

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ

**ВАЛЕРИЙ
ШАМБАРОВ**

БЫЛЬ И ЛЕГЕНДЫ ЗАПОРОЖСКОЙ СЕЧИ

**ПОДЛИННАЯ ИСТОРИЯ
МАЛОРОССИЙСКОГО КАЗАЧЕСТВА**

Исторические открытия

Валерий Шамбаров

**Быль и легенды Запорожской
Сечи. Подлинная история
малороссийского казачества**

«Алисторус»

2017

УДК 94(477)
ББК 63.3(4Укр)

Шамбаров В. Е.

Быль и легенды Запорожской Сечи. Подлинная история малороссийского казачества / В. Е. Шамбаров — «Алисторус», 2017 — (Исторические открытия)

ISBN 978-5-906842-50-3

Запорожская Сечь была уникальным явлением, вписала немало ярких страниц в историю России, Украины, Польши. Она не случайно привлекала внимание многих исследователей и деятелей искусства, ее образ широко использовался в художественной литературе, кино, к нему обращаются и в политических целях. Но распространенные представления о Сечи складывались из устных преданий и легенд, густо приукрашенных народной фантазией, дополнялись разного рода искажениями. Новая работа известного писателя Валерия Шамбарова впервые представляет полную и объективную историю днепровского казачьего братства, отделяет правду от домыслов и позволяет непредвзято ответить на вопрос: какой же она была на самом деле, Запорожская Сечь?

УДК 94(477)
ББК 63.3(4Укр)

ISBN 978-5-906842-50-3

© Шамбаров В. Е., 2017
© Алисторус, 2017

Содержание

О корнях казачества	6
Воины Днепровского рубежа	13
Иван Грозный и рождение Сечи	22
Днепровские казаки на царской службе	28
Схватка с Османской империей	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Валерий Евгеньевич Шамбаров
Быль и легенды Запорожской Сечи
Подлинная история
малороссийского казачества

© Шамбаров В.Е., 2017

© ООО «ТД Алгоритм», 2017

О корнях казачества

Слово «казак» пришло к нам из давно забытых древнеиранских языков – на них говорили скифы и сарматы. От них нам достались и названия многих гор, морей, рек – Дон, Дунай, Днестр, Днепр («дан» в древнеиранских языках означало «река»). А корень «ас» или «аз» означал «вольные», «свободные». Сарматы сами себя называли «асами» – отсюда и название Азовского моря. Легко переводятся и слова «казаки», «черкасы» – казак означает «вольный человек», а «чер» – «голова», в буквальном переводе черкасы – это «главные свободные» или «вольные головы».

Известны и племена касаков, жившие на Кубани и в Приазовье. Их упоминали древнеримский историк Страбон, византийский император Константин Багрянородный, арабские ученые Аль-Масуди, Гудад ал-Алэм, а русские летописи называют их «касогами». Их описывали как отличных воинов, но у них не было централизованного государства, они жили отдельными племенными общинами. Аль-Масуди сообщал: «За царством алан находится народ, именуемый касак, живущий между горой Кабх (Казбек) и Румским (Черным) морем... Причина их слабости по сравнению с аланами в том, что они не позволяют поставить над собой царя, который объединил бы их». Периодически их покоряла соседняя Алания, а в VIII веке Северный Кавказ был завоеван Хазарским каганатом. Причем касаков и алан хазары успешно использовали друг против друга. Если восставали одни, подавляли их с помощью других.

В 965 г. русский великий князь Святослав Игоревич сокрушил Хазарию. На Дону на месте хазарского Саркела основал свою крепость Белая Вежа. Святослав прошелся и по Северному Кавказу. Хазарские вассалы, аланы и касаки (в летописях – ясы и касоги), разделились. Некоторые воевали на стороне бывших хозяев, другие присоединились к русичам. Большую партию ясов и касогов князь «приведе Киеву» и поселил в его окрестностях.

После гибели Святослава в Крыму и на Тамани возродился осколок Хазарского каганата. Но его в 985–986 гг. раздавил св. Владимир Креститель. Город Таматарха стал русской Тмутараканью, Самкерц – Корчевом. Владимир назначил управлять этими краями сына Мстислава, и возникло Тмутараканское удельное княжество. Касоги под предводительством князя Редеди сперва пытались воевать против русичей. Но когда войска построились к битве, Редедя предложил Мстиславу – зачем гибнуть многим людям? Давай поборемся один на один. Если выиграешь, возьмешь «жену, детей и страну мою», я выиграю – я возьму. Русский князь согласился. Поединок был трудным, но изнемогающий Мстислав, воззвав к Господу и Божьей Матери, все-таки одолел и убил соперника. Касоги признали победу честной. Условие выполнили, согласились платить дань. Мстислав тоже отнесся к побежденным дружески, выдал дочку за сына Редеди, а в благодарность Пресвятой Богородице начал строить в Тмутаракани храм.

Касоги составляли большую часть населения Тмутараканского княжества, служили здешним князьям, участвовали в их войнах, многие принимали крещение. Русские селились на Дону, вокруг Белой Вежи. Она контролировала важный торговый путь – с Волги на Дон и через Азовское море на Тамань, взимала пошлины. Но Киевская Русь стала распадаться в междоусобицах. Тмутараканское княжество было далекой окраиной, здесь находили пристанище проигравшие князья, изгои. Один из них, Олег Святославович, заручился покровительством византийского императора Алексея Комнина. Признал себя его подданным, получал деньги и военную поддержку. В 1094 г. он отправился воевать за свой родовой Чернигов, а с императором расплатился, отдал Тмутараканское княжество Византии.

С утратой Тмутаракани потерял значение и далекий форпост Руси – крепость Белая Вежа на Дону. Теперь она была отрезана от родины, окружена половецкими племенами. В 1117 г. русский гарнизон и часть жителей были выведены из крепости. Им выделили место в Поднепровье, на реке Остер, там построили город с тем же названием, Белая Вежа. Но русские жили

на Дону уже много лет. Смешивались с хазарами, касогами, перенимали их обычаи, сохранили только язык и православную веру. Многие остались. Их называли «бродниками» – основной их промысел был связан с торговой дорогой по Дону. Они обслуживали броды через донские притоки, волоки, переправы, получали за это плату от купцов, продавали им рыбу, дичь, овощи. А Византия, получившая Тмутаракань, тоже слабела, контролировать отдаленные владения уже не могла. Княжество захирело, попало под власть половецких ханов.

В 1223 г. через перевалы Кавказа вторглись монгольские тумены. Ясов и касогов они разбили и покорили, наложили дань. Бродники стали союзниками пришельцев, поскольку враждовали с половцами. А русские князья вступились за половцев и подверглись страшному разгрому на Калке. Но в этот раз монгольское войско приходило только на разведку. Нагрузившись добычей, оно удалилось в свои неведомые края. Однако через 14 лет с востока хлынули полчища Батыя. Заполыхали Рязань, Москва, Владимир. Пролетев Северную Русь, в 1238 г. монголы обратились на юг. Половцы, были разбиты вдребезги. Военачальники Батыя двинулись к Кавказу. Касогов, ясов и прочие здешние народы заставили подтвердить клятвы о подданстве, проутюжили и покорили Грузию.

В 1240 г. монгольская армия смела Киев и двинулась дальше, в Европу. Докатилась до Адриатического моря и повернула назад. Но на родину ушли не все завоеватели. Степи Причерноморья и Поволжья Батый облюбовал для собственных владений. Родилась Золотая Орда. Свою ставку хан расположил в низовьях Волги, здесь возник город Сарай. Покоренных половцев, печенегов, торков, берендеев, буртасов Батый вобрал в Орду, ставил над ними опытных начальников, спаивал жестокой монгольской дисциплиной – на Руси их обобщенно называли «татарами». Соседние народы облагали данью, назначали к ним наместников-баскаков. Русские князья были вынуждены подчиниться. А касоги восстали. Не пожелали принять новых порядков и бродники – ведь сейчас их враги, половцы, оказались в привилегированном положении, помыкали ими.

Однако мятежи подавили со страшной жестокостью. Город Тана (Азов) в низовьях Дона был разрушен. А страна «Касакия» из всех источников исчезла. Уцелевшие жители разбежались кто куда. Часть спасалась в горах, они стали предками адыгов, карачаевцев, кабардинцев. Часть укрылась в болотах Приазовья, лесах донских притоков. Они смешались с остатками бродников и передали им свое имя – казаки. Бежали и в Поднепровье. Здешние места были совершенно опустошены, города и села лежали в пепелищах. Селиться можно было где угодно. А днепровские плавни и леса были хорошим убежищем в случае нападений. Свидетельства таких переселений сохранились в языке, в географических названиях. Например, авторы античных времен и раннего Средневековья называли на черноморском побережье Кавказа и в Приазовье племя чигов. Впоследствии чигов упоминают на Верхнем Дону и Хопре, у донских казаков сохранилось прозвище «чига востропузая», а селения в болотистых низинах именовали «чигонаками». Но чиги появились и на Днепре, позже здесь возник город Чигирин. «Черкасами» на Руси называли кабардинцев. На Днепре тоже обосновалась их община, был построен город Черкассы. Словом «черкасы» даже стали обозначать всех украинских казаков (но не донских).

Впрочем, сейчас внедрена тенденция напрямую производить «казачью нацию» от касогов. Это безграмотная ошибка, а порой и преднамеренная подтасовка. Переселенцы и беженцы из «Касакии» составили лишь изначальную основу казачьих общин. Они пополнялись и русскими, и татарскими удалцами, перешли на русский язык. А объединяющим началом стала православная вера. Еще в 1261 г. св. благоверный князь Александр Невский добился от хана Берке переноса епархии из обезлюдившего поднепровского Переяславля в Сарай, она стала называться Сарско-Подонской, окормляла православное население в ханской столице, на Дону и других землях Золотой Орды. Но тем самым установилась духовная связь казаков с Русской церковью, с ее центрами во Владимире, а впоследствии – в Москве.

В течение нескольких столетий сведения о казаках встречаются лишь эпизодические. Они жили в ханских владениях и участвовали в походах татар. Баскаки и купцы нанимали их в свои частные отряды. Но в XIV в. в Золотой Орде началась «великая замятня» – жестокие драки за власть. Она стала распадаться, и духовные связи казаков с Русью проявились. В 1380 г., когда св. Дмитрий Донской повел рати на Куликово поле, к нему пришли отряды казаков, принесли чудотворные Донскую и Гребневскую иконы Божьей Матери, сохраненные в их городках. Но два года спустя поход на Москву предпринял хан Тохтамыш. Чтобы достичь внезапности, он выслал рати по Волге и Дону, прочесавшие и уничтожившие казачьи селения.

А потом Тохтамыш неосмотрительно поссорился со своим давним покровителем, властителем Средней Азии Тимуром Тамерланом. Несколько раз его крепко били, но ордынский хан не образумился, продолжал набеги на владения Тимура. Тот решил окончательно разделаться с наглецом. В 1395 г. он разгромил Тохтамыша на Тереке. Вторгся на ордынские земли и преследовал разбитых татар до Днепра. После этого Тимур задумал разорить и вассалов хана, повернул на Москву. Стер с лица земли Курск, Липецк, Елец. Великий князь Василий Дмитриевич собирал рати, люди истово молились, в Москву принесли образ Заступницы, Владимирскую икону Пресвятой Богородицы, и случилось чудо. Как раз в это время Тамерлан неожиданно остановил армию и две недели не двигался с места.

Предание гласит, что во сне ему привиделась высокая гора. Оттуда спускались люди с золотыми жезлами, а над ними в лучезарном сиянии стояла Дева в окружении Небесного Воинства. Тимур начал выяснять у придворных мудрецов и у пленных, что это может означать. Ему пояснили, что он удостоился чрезвычайной чести: ему явилась Сама Дева Мария, Мать христианского Бога Иисуса, а в мусульманском толковании – Мариам, мать пророка Исы, и Она запрещает идти на Русь. Непобедимый властитель задумался и пришел к выводу: поход и впрямь может обернуться бедой. Он слишком далеко оторвался от родных стран. Приближалась осень, завязнешь в боях, и зальют дожди, ударят морозы – и как выбираться назад? К отступлению Тимура подтолкнули и донские казаки. Они снова выступили на стороне Москвы, принялись жечь траву в степях. Кони завоевателей и стада, служившие пропитанием армии, рисковали остаться без корма.

Тамерлан повернул на юг. Но казаков за их диверсию он покарал. Разделив войска на несколько корпусов, пустил один из них по Дону. Берега проутюжили сверху донизу. Богатый купеческий Азов пробовал откупиться. Однако во время переговоров воины Тимура, как бы прогуливаясь, приблизились к воротам и по команде ворвались в город. Выпотрошили его и сожгли, жителей перебили или угнали в рабство. Опустошили и Крым, Северный Кавказ, Сарай, Астрахань. После этих погромов в Орде рухнул всякий порядок. Торговля заглохла. Степь превратилась в Дикое Поле, где разные претенденты на ханство и просто банды татар резались друг с другом. Казаки разбредались кто куда. Их охотно принимали русские князья. Давали землю для поселения и договаривались: податей они платить не будут, а вместо этого станут охранять границы. Так появились рязанские, мещерские, северские казаки.

Новые партии переселенцев появились и на Днепре. Здесь были владения Литвы, и обосноваться здесь казалось предпочтительнее. Литовские великие князья в полной мере воспользовались распадом Орды, присоединяли земли целыми областями – Киев, Чернигов, Смоленск, Брянск. Выросла огромная держава, куда больше Московского государства. Причем в русских землях сперва сохраняли власть своих князей и бояр, старые законы и обычаи. Правда, в 1385 году великий князь Ягайло женился на польской королеве Ядвиге, Литва соединилась с Польшей, и государственной религией стал католицизм. Однако на окраинах это пока не ощущалось.

В Литву сбежал и Тохтамыш, разбитый соперниками, ханом Темир-Кутлугом и его полководцем Едигеем. Литовский властитель Витовт, двоюродный брат польского короля, принял его с распростертыми объятиями и предложил договор – хана поддержат, отвоюют для

него Орду. А за это он уступит Московское княжество, поможет литовцам захватить его. Тохтамышу выбирать не приходилось, он согласился. Идеей очень заинтересовались католическая церковь, немецкие крестоносцы. Король дал Витовту польскую армию, Тевтонский орден прислал 500 отборных рыцарей. Большинство подданных о тайных планах не знало. Витовт широко извещал – он затеял войну против Орды. Намерен покончить с осиным гнездом, полтора века терзающим соседние страны. Под его знамена съезжались литовские и русские князья, пришли и днепровские казаки. Собралось 100 тыс. воинов, везли новейшее оружие – пушки.

Но 12 августа 1399 г. в битве на Ворскле татары Темир-Кутлуга и Едигея умелыми маневрами расстроили ряды огромной армии, один из корпусов обошел ее и ударил в тыл. Поляки и их союзники обратились в бегство. Закованные в железо рыцари не могли уйти от погони. Их преследовали и истребляли. А рядом с Витовтом очутился казак Алекса по прозвищу Мамай. Кликнул заворачивать в лес, усаkali в непролазную чащу. Государь был спасен, но они заблудились. Три дня казак водил Витовта по зарослям и буреломам. Литовец изнемогал от усталости, шатался от голода. Наконец, он догадался пообещать проводнику поистине щедрую награду, город Глинск и княжеский титул. Хитрый Алекса-Мамай сразу же нашел дорогу. А тем самым положил начало княжескому роду Глинских...

Впоследствии Глинские постарались приукрасить свою родословную и представили казака потомком темника Мамаю. Но это не более чем выдумка. Со времени гибели ордынского Мамаю, противника Дмитрия Донского, прошло всего 18 лет, и трудно предположить, чтобы его сын или внук стал простым казаком, знавшим, как свои пять пальцев, леса Полтавщины. Да и вообще, казак Мамай – один из любимейших героев украинского народного творчества. Его рисовали на дверях хат, скрынях (сундуках), печках. Изображали обычно с бандурой, чаркой, часто вместе с конем Белогривом и песиком Ложкой, сопровождая подписями из стихов и поговорок наподобие: «Козак – душа праведна, сорочки не мае, колы не пье, то вошу бье, а все не гуляе». И совершенно невероятно, чтобы у простонародья пользовались такой популярностью родичи хана Мамаю. Скорее, прозвище «Мамай», прилепленное по тому или иному поводу, было распространенным среди казаков, вот и стало обозначать фольклорного «обобщенного» казака.

А в 1410 г. польско-литовское войско сошлось с тевтонскими крестоносцами у деревни Грюнвальд. В XIX – XX вв. эту битву стали преподносить как решающую схватку объединенного «славянства», положившую предел германскому «натиску на восток». Это неверно. Орден долгое время был союзником Польши и Литвы, и лишь позже они повздорили из-за захваченных территорий. 15 % польских войск и 90 % литовских составляли русские, в их числе были и днепровские казаки. Именно русские решили исход сражения и понесли самые жестокие потери. Король Ягайло и его воеводы командовали бестолково, развития успеха не сумели. Вскоре подписали с Орденом перемирие, и с военной точки зрения жертвы оказались напрасными. Зато с политической Польша очень выиграла. Литва понесла серьезнейший урон, и в 1413 г. поляки навязали ей договор о более тесном объединении, Городельскую унию. Причем с поляками уравнивали в правах только католиков. А православных оставляли в неопределенном статусе, ниже иудеев.

Но и литовские князья не смирились. Многие из них были православными. Другие, хоть и католики, возмущались польским засильем, желали отделиться. После смерти Витовта Литву разодрали затяжные гражданские войны. Днепровские казаки сражались на стороне православной партии. Но ее лидер Свидригайло оказался никуда не годным вождем, пьяницей и самодуром. Ему добывали победы, а он бездарно губил дело. Закончилось тем, что он по пьяному делу обвинил в связях с противником митрополита Герасима и велел сжечь на костре. От него отшатнулись все подданные, и Свидригайло осталось только бежать. Впрочем, и глава католической партии Сигизмунд оказался не лучше. Взятся казнить состоятельных людей, чтобы

поживиться их богатствами. В итоге прикончили и его. А поляки и католики вели игру тонко, расчетливо. Сумели уговорить литовскую знать, чтобы возвела на трон младшего брата их короля Владислава – Казимира Ягеллона. Ну а когда Владислав погиб на войне, польские паны избрали Казимира и на свой престол. Польша и Литва снова соединились.

В летописях встречаются упоминания и о других казаках, обосновавшихся во владениях русских государей. В 1443 г. в боях против ордынского царевича Мустафы отличились рязанские казаки. Во время первой войны Ивана III против Казанского ханства отряды казаков действовали под командованием воеводы Ивана Руно, в 1469 г. ворвались в посады Казани, «отполонили» множество русских невольников.

Еще одна часть казаков пристроилась в черноморских торговых городах. Умирающая Византия отдала их Генуэзской республике. Здесь купеческие общины пользовались наемными воинами и хорошо платили. В уставе Кафы (Феодосии), утвержденном в 1449 г., пункт 66 гласил: «если случится, что будет взята какая-нибудь добыча на суше казаками, или оргузиями, или кафскими людьми», запрещалось отбирать ее и взимать с нее налоги. В уставах городов Солдаи и Чембалю требовалось, чтобы казаки, если возьмут добычу, выделяли четвертую часть консулу города, а остальные три четверти делились пополам между казаками и городской общиной. Венецианец Барбаро, живший в здешних местах в 1436–1452 гг., писал: «В городах Приазовья и Азове жил народ, называвшийся казаки, исповедовавший христианскую веру и говоривший на русско-татарском языке». Барбаро указывал, что они имели выборных предводителей.

Государства, возникшие после распада Золотой Орды, – Крымское, Казанское, Астраханское ханства, Большая (Сарайская) и Ногайская орды – враждовали между собой. Причем хан Большой орды Ахмат заключил против Москвы союз с Литвой. Но у Ивана III тоже была отлично налажена дипломатия, он нашел союзника в лице крымского хана Менгли-Гирея. Польский историк Ян Длугош писал, что в 1469 г. на Волынь совершило набег крымское войско, состоявшее «из беглецов, добычников и изгнанников, которых они на своем языке называют казаками».

Но на Балканах и в Малой Азии разрасталась могущественная Османская империя. Султан Мухаммед II окончательно добил Византию. Взял Константинополь, превратив его в собственную столицу, Стамбул. Захватил последние осколки былой империи в Греции, Трапезунде. Генуэзцы при этом постарались сохранить свои барыши, подстраивались к победителям, давали свои корабли для перевозки турецких войн. Но Мухаммед теперь считал себя преемником греческих императоров. А Крым раньше тоже принадлежал византийцам. Султан решил – пора прикрыть итальянскую лавочку, а барыши от здешней торговли пускай текут в его казну. Началась подготовка экспедиции под руководством визиря Ахмет-паши. Генуэзцы узнали об этом, взывали о помощи к папе римскому, к польскому королю Казимиру. Но папа был далеко. А Казимиру совсем не хотелось подставлять свое войско под турецкий удар. Он послал только казаков.

В июне 1475 г. у крымских берегов показался бесчисленный флот, у Кафы высадился корпус янычар. Ахмет-паша был умелым командующим, обложил город с моря и с суши, загрохотала артиллерия, а через 6 дней последовал штурм. Янычары взобрались на стены, разметав защитников. Остатки гарнизона и часть жителей вырвались через задние ворота, хлынули кто куда. Возможно, что уцелевшие местные казаки ушли вместе с днепровскими. А турецкие войска двинулись дальше, на Бахчисарай, разгромили крымских татар. Хотя для союзника русских Менгли-Гирея нашествие неожиданно обернулось счастьем. Его как раз перед этим сверг брат Айдар, ставленник Литвы и Большой орды. Турки нашли Менгли-Гирея в темнице, доставили в Стамбул. Он понравился султану, согласился, чтобы отныне его ханство подчинялось Османской империи. Его отвезли обратно, и турецкие отряды посадили его на крымский престол.

Но после разгрома генуэзских колоний один из городов, Азов, долгое время оставался в неопределенном положении. Здешние казаки стали считать его «своей» столицей. Жили в полной воле, не подчиняясь никому, нападали на турок, грабили торговые караваны. Только в 1502 г. султан повелел Менгли-Гирею навести порядок, а «всех лихих пашей казачьих и казаков доставить в Царьград». Хан послал войско и занял Азов. Часть казаков покинула город, некоторые остались. Они приспособились к новой власти, даже перенацелились совершать набеги на Русь. В 1516 г. Василий III просил султана, чтобы тот запретил азовским казакам «тревожить нашу украину (т. е. окраину) и хватать людей». Но позже упоминания об азовских казаках исчезают. Очевидно, они смешались с татарским и турецким населением, приняли ислам.

А Московская Русь тоже вырастала и усиливалась. В противоборстве с Большой ордой Иван III снова умело использовал казаков. В 1480 г., когда русская рать и полчища Ахмата сошлись в Стоянии на Угре, государь организовал экспедицию в глубокий тыл неприятеля. Отряды казаков, добровольцев из Нижнего Новгорода и служилых татар под руководством князя Василия Звенигородского и служилого царевича Нордоулата погрузились на Волге в ладьи, отчалили вниз по реке и неожиданно нагрянули прямо на Сарай. Разорили его, вызвав переполох. А Ахмата потрясло известие о разгроме на его столицу, подтолкнуло к решению отступить. Хотя такое решение стоило ему жизни. Неудачников в степи не жаловали. Хан потерял свой авторитет. Недавние подданные, сибирские татары с ногайцами, напали на лагерь Ахмата и прикончили его.

Союзннику Большой орды польскому королю Казимиру и его сыну Александру дорого обошлась очередная волна гонений на православие. Против них стали бунтовать их подданные, русские князья. Переходили под власть Москвы вместе со своими удельными княжествами. Иван III поддержал единоверцев, направил рати. В битвах на речке Ведроши и под Мстиславлем они наголову разгромили литовские армии. А население встречало их как «своих», как освободителей. Города без боя открывали ворота. Граница России значительно сдвинулась на запад. У литовцев отобрали Вязьму, Дорогобуж, Брянск, Чернигов, Рыльск, Новгород-Северский.

И в это же время стал заново заселяться Дон. В низовьях реки стали строить городки казаки, изгнанные из Азова. А верховья начали осваивать отряды с Рязанщины, Калуги, Тулы. Среди них были не только потомки прежних казаков, обитавших на Дону в давние времена. Хватало и других удалцов. В опасном приграничье все умели владеть оружием. Самым отчаянным хотелось пожить вольно, испытать свою силушку и сноровку. Рязанская княгиня Аграфера, сестра Ивана III, в письмах ему жаловалась, что ее подданные «самодурью» уходят за рубеж. Их городки возникли на Верхнем Дону и по его притокам – Вороне, Хопру, Медведице. К ним присоединялись беглецы из татарского плена, жители деревень, сожженных в набегах степняков, – у них с басурманами были свои счеты. Но и татарские воины, потерявшие в междоусобицах родных и имущество, тоже порой прибывались к казакам.

Отряды казаков стали появляться и на Волге, Яике (Урале). А на Тереке они уже поселились основательно. По преданиям, первый отряд во главе с Андреем Шарой пришел сюда с Дона. Весьма вероятно, что на Терек перебрались и вятские ушкуйники, изгнанные Иваном III, – этнографы и фольклористы выявили у здешних казаков многие особенности, общие с Русским Севером. Эта версия вполне логична и с исторической точки зрения. Когда великий князь присоединил Вятку к своим владениям, покинувшие ее лихие головушки не имели возможности обосноваться где-нибудь на Волге – ее контролировали Казанское и Астраханское ханства. А добраться через Каспий на Терек было нетрудно.

Таким образом, казачество складывалось из разных составляющих – не по крови, а по духу. Казаком становился тот, кто мог стать «своим» в их среде, был способен выжить в экстремальных условиях. Их было не так уж много, но уже и не мало. На рубеже XV–XVI вв.

известия о казаках полились в документах и хрониках сплошным потоком. Казачество вышло на историческую арену.

Воины Днепровского рубежа

Державы, вступившие в борьбу за главенство в Восточной Европе, – Московская Русь и Литва с Польшей, – были очень не похожи друг на друга. Москва смогла усилиться благодаря централизации власти. От Золотой Орды она переняла принципы государственной и военной дисциплины. Вся знать обязана была служить великому князю, получала от него назначения, по его приказам выступала на войну, послушание строго наказывалось. Воеводы в городах и волостели (правители волостей) получали эти должности на 1–2 года, потом должны были представить отчет о своей деятельности. Мелкие дворяне (на Руси их называли «дети боярские») даже поместьями владели временно, в качестве платы за службу. Крепостного права еще не было, крестьяне оставались свободными, имели право переходить с места на место. Если трудились на казенной земле, платили подати государству, если в боярской вотчине или в поместьях детей боярских – сдавали подати им, обеспечивали их службу.

Государь отвечал перед Богом за всю страну и за своих подданных. Видел свой долг в том, чтобы защищать их и от внешних врагов, и от преступников. Со времен Ивана Калиты основным принципом верховной власти было поддержание Правды – справедливости. Великий князь был верховным судьей. Каждый из подданных, независимо от своего положения и состояния, мог обратиться к нему, пожаловаться на беззакония и притеснения. Налоги были весьма умеренными. Иностранцы с удивлением отмечали благосостояние русских людей, изобилие и дешевизну продуктов. А распоряжаться жизнями подданных не было позволено никому. Дела о самых тяжких преступлениях рассматривались только в Москве, смертные приговоры утверждал сам государь или Боярская дума. Но и для государства такие порядки оказывались выгодными. Народ не разорялся, мог развивать свои хозяйства, и подати наполняли казну, позволяли содержать большое войско.

В Польше и Литве власть короля была очень ограниченной. Все важнейшие вопросы решал сейм – собрание знати. Он выбирал королей, принимал законы. А в перерывах между созывами сейма роль правительства исполнял сенат из представителей высшей аристократии. Во главу угла они ставили «свободы», кичились ими. Австрийский посол Герберштейн, побывавший здесь в 1520-х гг., писал: «Они не только пользуются неумеренной свободой, но и злоупотребляют ею». Но «свободы» существовали отнюдь не для всех. Реальными правами обладала только шляхта – дворяне. А фактически заправляли богатые магнаты – паны. Именно они заседали в сенате, определяли решения сейма. Разумеется, такие решения, которые выгодны им самим. У короля хронически не было денег. Он содержал только небольшое «кварцное войско» – на «кварту» (четвертую часть) от доходов королевских имений. На большую войну он созывал «посполитое рушенье», общее ополчение шляхты. Но для этого требовалось постановление сейма.

Паны своевольничали. Должности воевод (в Польше и Литве воеводства были большими, соответствовали губерниям) и старост фактически становились пожизненными, а то и наследственными. Отобрать их означало нажить смертельных врагов. Основу армии составляли отряды тех же панов, и дисциплина была отвратительной. На войну они собирались медленно, часто действовали по своему разумению. Когда хотели, самовольно разъезжались по домам. Зато паны и шляхта периодически воевали друг против друга. Взаимные вооруженные «наезды» были обычным делом.

А крепостное право было жесточайшим. В свое время Витовту понравились порядки в землях Тевтонского ордена, где крестьян приравнивали к рабам, и он ввел аналогичные законы в Литве. Магнаты были полными хозяевами в своих владениях. В разных местностях крепостные от 3 до 6 дней в неделю работали на барщине. Налоги были самыми высокими в Европе. Крестьянин ежегодно отдавал 10 % от всего имущества, а кроме того, еще и оброк землевладельцу.

Но даже жизнью крестьянина распоряжался землевладелец. Венецианский посол Липпомано сообщал: «Пан считает хлопа не человеком, а скотом, немилосердно обходится с подданными, отбирает их поля... обременяет непосильными работами, взимает огромные штрафы, подвергает тяжкому заключению, избивает, истязает, подрезывает жилы, клеймит, обходится с ними хуже, чем татары». Ему вторил папский нунций Ругтиери: «Паны, казня крестьян ни за что, остаются свободны от всякой кары... можно смело сказать, что в целом свете нет невольника более несчастного, чем польский кмет».

Австрийский дипломат Герберштейн рассказывал: «Народ жалок и угнетен... Ибо если кто в сопровождении слуг входит в жилище какого-нибудь поселянина, то ему можно безнаказанно творить что угодно, грабить и забирать необходимые для житейского употребления вещи и даже жестоко побить поселянина». «Со времен Витовта вплоть до наших дней они пребывают в настолько суровом рабстве, что если кто будет случайно осужден на смерть, то он обязан по приказу господина казнить сам себя и собственноручно себя повесить. Если же он откажется исполнить это, то его жестоко высекут, бесчеловечно истерзают и тем не менее повесят. Вследствие такой строгости, если судья или назначенный для разбора дела начальник пригрозит виновному в случае его замедления или только скажет ему: „Спеши, господин гневается“, несчастный, опасаясь жесточайших ударов, оканчивает жизнь петлею».

Впрочем, и шляхту отнюдь не обогащали поборы, выжимавшиеся из крестьян. В Польше и Литве было принято жить весело, закатывать пышные пиры, балы, устраивать многолюдные охоты. Деньги быстро спускались. Польский публицист Старовольский писал: «Никто не хочет жить трудом, всяк норовит захватить чужое; легко достается оно, легко и спускается; всяк только о том думает, чтобы поразмашистее покутить; заработки убогих людей, собранные с их слезами, иногда со шкурой, истребляют они, как гарпии или как саранча: одна особа съедает в день столько, сколько множество бедняков заработают в долгое время, все идет в дырявый мешок – брюхо». Лучшим образцом, как наладить «добрые нравы» и строить отношения с подданными, Старовольский считал Россию.

Как Московской Руси, так и Литве постоянно угрожал южный сосед, Крымское ханство. Держава отнюдь не маленькая, ей принадлежали причерноморские степи, Приазовье, Кубань. Причем у этого ханства были свои особенности. С незапамятных времен Крым специализировался на работорговле. Еще в эпоху Древнего Рима купцы Боспора (Керчи) наладили масштабные операции, скупая пленных у окрестных племен и перепродавая их по всему Средиземноморью. В Хазарском каганате этот сверхвыгодный промысел прибрала к рукам иудейская община. Но и после разгрома Хазарии работорговцы никуда не делись. Они нашли пристанище в византийском Херсонесе, оптом покупали невольников, которых пригоняли печенег и половцы после набегов на Русь. А уж Золотая Орда стала для них поистине «золотой». Та же самая община угнездилась в генуэзских и венецианских колониях. В Венеции правитель здешних городов носил красноречивый титул «консул Хазарии», а в Генуе черноморскими владениями управлял коллегиальный орган, «Оффициум оф Хазарие». Орда стала главным поставщиком рабов на международные рынки. Татары приводили массы пленных из своих походов, а итальянские корабли развозили их на Ближний Восток, в Египет, европейские страны.

Когда Крым стал вассалом Османской империи, бывшие генуэзские города стали турецкими. Однако община работорговцев уцелела. Мало того, она подобрала ханство под свое влияние. От денег работорговцев зависели придворные, эмиры, мурзы. Да и для простых воинов набеги оказывались гораздо выгоднее, чем занятия садоводством. Пригнали вереницу «ясыря», продали – и смогли купить обновки и украшения для жен, красивое оружие. Охота за невольниками стала основным промыслом ханства. Если с Менгли-Гиреем Москва заключила союз, то он посылал татар на владения Литвы. А когда хан состарился, его сыновья перестали считаться с отцом. Принялись нападать на рязанские, тульские, черниговские окраины. После смерти Менгли-Гирея его преемником стал Мехмет-Гирей. С ним сразу же постарался навести

дружбу польский король Сигизмунд. Согласился платить 15 тысяч золотых в год, если крымцы будут воевать против России.

Московские государи тоже пытались вести переговоры о мире. Присылали в Крым подарки (татары называли их данью), подписывали договоры. Однако ничего не помогало. Если хан сам не выступал в поход, то отпускал «подкормиться» отряды своих мурз и царевичей. Иначе подданные его попросту свергли бы. А на претензии русских послов татарские вельможи пожимали плечами – хан тут ни при чем, это своевольные царевичи шалят. Но и полякам союз с Крымом постоянно вылазил боком. В Бахчисарай привозили телеги с королевским золотом, татарские загоны катились на Русь. Но если их отражали, они ничтоже сумняшеся поворачивали на владения короля. Деньги уже получены, так какая разница, где они наберут товар для работорговцев?

С Османской империей русские состояли в дружбе и неоднократно жаловались на крымцев в Стамбул. Султан слал повеления прекратить набеги. Но Мехмет-Гирей ответил ему с предельной откровенностью: «Если я не стану ходить на валашские, литовские и московские земли, то чем же я и мой народ будем жить?» Впрочем, турки не очень настаивали. По своим вассальным обязательствам крымский хан отдавал султану 10 % добычи и пленных, работорговцы пополняли казну пошлинами, были в прекрасных отношениях с османскими вельможами в крымских городах. Да и в Стамбуле орудовала община таких же купцов, связанная с крымскими. Она имела связи при дворе, поставляла самых соблазнительных девочек в гаремы султана и его приближенных. Крупнейший невольничий рынок располагался в Перекопе. Здесь работорговцы оптом скупали у воинов их полон. Вторым центром стала Кафа (Феодосия). Тут живой товар перепродавали, грузили на корабли и развозили по Османской империи, в другие страны.

Московские великие князья, начиная со св. Дмитрия Донского, налаживали оборону от степных хищников. По южным границам строились крепости, в них размещались сильные гарнизоны. Каждое лето сюда приходили полки конницы, дежурили до поздней осени, пока сохраняется опасность набегов. Выработывались системы оповещения дымами, огнями, по которым оборона приводилась в готовность. Крестьяне бросали все дела, укрывались по лесам или за стенами крепостей. Конница выступала на перехват татарских загонов. В случае крупных нападений донесения летели в Москву, государь высылал большие рати.

Первые сигналы об угрозе поступали от вольных казаков, кочевавших в степи. Они поставляли самые точные данные разведки. Поэтому воеводы пограничных крепостей поддерживали с ними самые лучшие отношения. Они свободно приходили в города торговать. Приносили свои военные трофеи, добытые ими рыбу и дичь, нередко держали в приграничных городах свои семьи. Жены вели хозяйство, растили детей, а мужья приходили к ним на зиму. А когда великий князь Василий III решил перевести на постоянную основу дипломатические отношения с Турцией, он пригласил для переговоров донских атаманов. После обсуждения с ними установили, что казаки будут встречать и охранять послов во время их путешествия по Дону. За эту службу платилось жалованье. Хотя сама служба пока еще оставалась эпизодической.

Польские короли не могли организовать такую оборону, как Москва. Для этого у них не было ни денег, ни войск, ни достаточной власти. Собирать шляхту было слишком долго и ненадежно. А могущественные паны жили сами по себе. При набегах они предпочитали укрываться в своих каменных замках, предоставляя крестьянам спасаться, как получится. Даже эмигрант Курбский, перебежавший к полякам, возмущался этим: «Вельможи знают только пить да есть сладко; пьяные они очень храбры: берут и Москву, и Константинополь, и если бы даже на небо забился турок, то и оттуда готовы его снять. А когда лягут на постели между толстыми перинами, то едва к полудню проспят, встанут чуть живы с головной болью. Вельможи и княжата так робки и истомлены своими женами, что, прослышав варварское нахождение, забьются в

претвердые города и, вооружившись, надев доспехи, сядут за стол, за кубки и болтают со своими пьяными бабами, из ворот же городских ни на шаг. А если выступят в поход, то идут изда- лека за врагами и, походивши дня 2 или 3, возвращаются домой, и что бедные жители успели спасти от татар в лесах, какое-нибудь имение или скот, все поедят и последнее разграбят».

В общем, плодородная Украина была очень неудобным и опасным местом. Впрочем, необ- ходимо сделать уточнение. В ту эпоху термин «Украина» не был обозначением страны. Он употреблялся сугубо в прямом смысле – «окраина». В документах XVI–XVII вв. упоминаются Московская Украйна (это было все южное порубежье), Сибирская Украйна. А Поднепровье значилось Польской Украиной. Сами местные жители называли себя «рускими». Литва име- новалась Великим княжеством Литовским и Русским, а Львовщина в составе Польши – «Рус- ским воеводством». Но, чтобы не сбивать с толку читателя, я буду пользоваться терминами «Украина» и «украинцы» в их современном значении.

Единственной реальной защитой этих областей оказались казаки. К ним стали обра- щаться магнаты, чьи владения лежали близко от Дикого Поля – Острожские, Заславские, Зба- ражские, Вишневецкие. Здешние паны во многом отличались от аристократов из внутренней Польши. Это были суровые и отчаянные воины, с детства воспитывались в боях, на коне. По крови они были русскими, по вере – православными. Свои земли им приходилось постоянно защищать с саблей в руках, и казаки для них оказывались лучшими помощниками. Магнаты привлекали их, давали места для поселения, снабжали всем необходимым, а за это получали в свое распоряжение великолепные воинские отряды.

На Украину шел и постоянный приток беглых из других областей Польши и Литвы. Кре- стьяне уходили сюда от невыносимого панского гнета. А здесь было полегче и посвободнее. Хозяева приграничных районов очень нуждались в рабочих руках. Принимали беглых в любых количествах. Давали им льготы, освобождали от податей на 5, на 10 лет. Заселяли ими свои деревни, обезлюженные татарами. Под защитой казаков осваивали пустующие земли. Самые боевые и энергичные переселенцы тоже «оказывались». Магнаты это только приветствовали. Пускай трудятся и одновременно обороняют свои хозяйства. Количество днепровских казаков умножалось.

Основными их базами являлись Черкассы, Канев, Киев, Немиров, Полтава. Тут они зимовали, а летом выходили в степь на промысел и охрану границы. Известными предводите- лями и организаторами казачьих отрядов стали киевские воеводы Юрий Пац и Дмитрий Путя- тич, черкасский наместник Богдан Глинский. О его происхождении мы уже говорили – князья Глинские вели род от казака Мамая, а Богдан носил и прозвище «Мамай». Он прославился тем, что в 1493 г. водил черкасских казаков к устью Днепра, захватил и разрушил крепость Очаков, только что построенную турками и татарами. В 1503 г. крымский хан жаловался, что киевские и черкасские казаки ограбили турецких купцов. В 1504 г. он просил Ивана III отпу- стить крымских послов «на зиме... коли казаки не ездят и дорога чиста», а в 1505 г. в пере- писке отмечалось, что «от казаков страх в поле».

Общины казаков жили по своим традициям. Православие давало им главную идею – они осознавали себя «воинами Христовыми», защитниками христиан от «басурман». А такая идея оправдывала их образ жизни, помогала переносить лишения. Высшим органом казачьей вла- сти был общий круг – в Поднепровье для него переняли польское название «рада» («совет»). Сообща решали важнейшие вопросы, выбрали и смещали атаманов, выносили судебные при- говоры. За серьезные преступления карали смертью. Такие законы вырабатывала сама жизнь – в суровых условиях, в постоянной опасности. Если не уничтожить гниль, угрожающую общине, могут погибнуть все. Требовалась спайка, полное доверие друг к другу. Каждый должен быть настоящим братом для других. Прикрыть, помочь, а если понадобится, пожертвовать собой ради товарищей. Но знать, что и они так же прикроют тебя, пожертвуют собой ради тебя.

В казачьих обычаях можно обнаружить следы разных эпох, разных народов – так же, как и само казачество формировалось из разных составляющих. Как уже отмечалось, слово «казак» сарматское. От сарматских народов пришла и атаманская булава. У них она являлась символом власти князей и военачальников, «булавы вождей» считаются у археологов характерной особенностью сарматских погребений. А польский историк Ян Сеннинский, описывая ранних днепровских казаков, живших в Черкассах и в Каневе, сообщал: «Женщины у них наравне с мужчинами участвуют в военных действиях». Эта особенность также была присуща сарматским племенам, от них и пошли легенды об амазонках.

Слово «атаман» северное, оно встречается в новгородских документах. «Ватт-ман» или «аттга-ман» называли предводителей варяжских дружин, что означало «отец-витязь», «отец-муж». А в Новгороде атаманами называли начальников рыболовецких артелей, вожakov ушкуйников. Слово «есаул» – тюркское, «хорунжий» – польское, «писарь», «сотник», «судья», «старшина» – русские. В Древней Руси отмечался и обычай брить голову, оставляя одну прядь волос, так себя отмечали знатные воины. У днепровских казаков мы встречаем аналогичные прически. Лев Диакон, описывая князя Святослава, упоминает и одну серьгу в ухе. У казаков она означала единственного сына у матери – каковым и являлся Святослав.

У последующих историков и литераторов было принято отождествлять казаков с конницей. Но это совершенно не верно. Казачья кавалерия появилась далеко не сразу. Для табунов нужны пастбища, а степь еще принадлежала татарам. В конном бою с крымскими загонами небольшие отряды казаков стерли бы с лица земли. Да и уйти по степи верхом от татарской погони шансов почти не было. Конечно, казаки, как и все люди того времени, умели ездить на лошадях. Но главным транспортным средством у них была лодка, и воевали они пешими или на лодках. Операции строились так, чтобы скрытно подплыть к неприятельскому стану, расположившемуся недалеко от воды. Или устроить засаду где-нибудь на бродах, на переправах. Внезапно напасть, вызвать переполох. Если у татар есть пленные – освободить их, набрать добычу, а потом отчалить, и на воде уже не догонят. Болотистые берега и прибрежные заросли прикроют от стрел, и казаки исчезнут где-то в протоках.

Организацией войска из днепровских казаков занялся Предсдав Лянцкоронский. Он происходил из очень знатного польского рода, его отец был одним из самых богатых панов, занимал при дворе высокий пост маршалка, приходился родственником королю. Но Предсдав был вторым сыном, отцовские имения и должности унаследовал старший брат. А младший стал типичным авантюристом эпохи Возрождения. Путешествовал по разным странам Европы и Азии, побывал даже в Иерусалиме. Искал счастья на военной службе у различных властителей. В конце концов, вернулся на родину. Выгодно женился на дочери одного из пограничных магнатов, князя Константина Острожского. Общался с казаками, участвовал с ними в схватках с татарами и обратил внимание на их исключительные боевые качества. Лянцкоронский представил, какую силу из них можно составить, а поскольку был «птицей свободного полета», решил этим заняться.

Он повел переговоры с атаманами и в 1506 г. созвал казаков разных общин на первую совместную раду. Предложил создать единое войско. Обрисовал, какие дела они смогут совершить, если будут действовать согласованно, общими усилиями. Рисовал перспективы: когда войско проявит себя, оно может получить официальный статус на королевской службе, казакам будут платить жалованье. Лянцкоронский искренне верил, что подобную затею получится осуществить. Он видел, что казачье войско будет чрезвычайно полезным для защиты степной границы. Причем и для себя он обеспечит достойное положение – ведь до сих пор ему не досталось в Польше и Литве никаких солидных и хлебных назначений.

Казакам идея понравилась. Постановили объединяться, а Лянцкоронского избрали своим первым гетманом – в Польше этот титул означал главнокомандующего. Он налаживал управление войском, начал подразделять казаков на полки и сотни. Хотя дальнейшего разви-

тия его инициатива не получила. Предслав, в отличие от своего старшего брата, не имел никакого веса при дворе и в правительстве. Учреждать какое-то новое войско, да еще из «быдла», из простонародья, сейм и сенат ни за что не позволили бы, а лишних денег для него в казне не было. Поэтому войско осталось незаконным, официально его как бы не существовало. А должность казачьего гетмана первое время оставалась у Лянцкоронского единственной – и тоже неофициальной.

В 1506 г. началась очередная война Литвы и России. Развязали ее литовцы. Понадеялись, что после смерти Ивана III наша страна ослабела. Но в Москве к столкновению были готовы. Мало того, строились расчеты, что точно так же, как в прошлую войну, православные князья и магнаты будут переходить на сторону русских. И казалось, что эти надежды оправдываются. К государю Василию III обратился князь Михаил Глинский. Он, как и Лянцкоронский, был из числа отчаянных авантюристов и искателей приключений. Успел послужить курфюрсту Саксонскому, германскому императору Максимилиану, воевал в Италии против французов, принял католицизм. Возвратившись на родину, одержал ряд побед над татарами и стал любимцем короля Александра, получал от него щедрые пожалования. Но Александр умер, а у нового короля Сигизмунда были свои любимцы. Глинского стали подсиживать интригами, оттерли от важных должностей, у него требовали отобрать владения, подаренные Александром. Сигизмунд принимал сторону обидчиков, поощрял их.

Дошло до того, что Глинского вообще перестали пускать к королю. Он оскорбился. Написал Василию III, пообещав ему взбунтовать всю Украину, уехал в свой город Туров и вместе с братьями Иваном и Василием поднял мятеж. Московский государь послал ему на помощь 20-тысячный корпус конницы и служилых татар под командованием Евстафия Дашкевича. Он тоже был из рода Глинских, родственник князя Михаила. В прошлой войне Дашкевич был помощником литовского командующего Ижеславского. В 1501 г. их войско встретилось под Мстиславлем с русским корпусом князя Ростовского и потерпело сокрушительное поражение. На поле боя осталось 7 тыс. литовских трупов, многие попали в плен. Ижеславский «едва утече». А Дашкевич после такого разгрома счел за лучшее перейти к московскому государю. Его обласкали, приняли на службу.

Глинский и Дашкевич со своими отрядами захватили несколько белорусских городов. Но раздуть большое восстание не удалось. Глинский среди панов и шляхты имел слишком сомнительную репутацию, в нем видели бродягу, выскочку, вероотступника. Присоединяться к нему не желали. А казаков удержали в повиновении Лянцкоронский и другие пограничные начальники. Однако исход войны решился и без этого. Конница Василия III докатывалась рейдами до Вильно. Король и его окружение поняли, что они погорячились задираť русских. В 1508 г. Сигизмунд взмолился о мире. Он был заключен на старых границах. Братья Глинские и их сторонники выехали в Россию, государь дал им в уделы несколько городов.

Но Дашкевич уже побывал на русской службе. Непривычные порядки, нехватка «свобод» были ему не по душе. И к тому же, покидая Литву, Глинские потеряли обширные имения, Дашкевич вполне мог претендовать на них. Он задумал перекинуться обратно. Обратился к князю Острожскому, тот взял на себя посредничество перед королем, и Сигизмунд охотно согласился принять перебежчика. Ну а как же – православный, русский, был в Москве на хорошем счету, но все равно пожелал вернуться. Будет наглядным примером для других. При переговорах не забыли уточнить, что получит Дашкевич за возвращение. Ему отдали часть родовых имений Глинских и назначили старостой Канева и Черкасс. Или, как говорили в Польше, «дали староство». Фактически эти города с прилегающей областью перешли не только под его управление, но и в его владение.

Правда, староство было одно из самых беспокойных. Канев и Черкассы были главными центрами днепровских казаков. Дашкевич стал вторым человеком, кто взялся устраивать их войско. У русских он многому научился. Еще Иван III перевооружил свою армию за казенный

счет – в ту эпоху подобная реформа была новшеством в военном деле. В других странах воины приобретали или добывали себе снаряжение самостоятельно. Московский государь обеспечивал своим бойцам хороших коней, заказывал лучшие сабли, огнестрельное оружие. Дашкевич занялся тем же. До сих пор казаки вооружались чем придется. У большинства были только луки со стрелами и короткие дротики для рукопашного боя. Дашкевич стал закупать для них сабли и ружья (в России ружья называли пищалями, на Украине – самопалами).

У русских он перенял и искусство фортификации. Государевы ратники хорошо умели возводить и использовать полевые укрепления, острожки. Особенно эффективными они оказывались против конницы. Укрепление простое, из земли и бревен, соорудить можно быстро. Но на лошади его не преодолеешь, а защитники стреляют, поражают всадников. Для охраны границ Дашкевич начал строить «сечи». Те же острожки – выкопать ров, извлеченной землей насыпать вал, насечь бревен и поставить из них частокол. А в сечи расположить отряд казаков. Там он находится в относительной безопасности, будет высылать дозоры вести разведку. Нагрянут татары – сможет отбиваться, задержать их. Сечи выдвигались вперед, на ничейную территорию, становились пограничными форпостами. Хотя оборона оставалась слишком жиденькой.

В 1512 г. наконец-то оценили и труды Лянцкоронского, он получил официальный пост Хмельницкого старосты. Впрочем, помогло ему немаловажное обстоятельство – назначение было слишком незавидным. Лянцкоронскому дали староство после страшного набега крымской орды, и когда он приехал в Хмельник, города не существовало, на его месте чернели груды головешек. Тем не менее король Сигизмунд и его окружение считали здешнее направление второстепенным. Куда более важным они видели отобрать у Москвы утраченные области. В 1513 г. они решили, что подготовились лучше, чем в прошлый раз, и спровоцировали новую войну. Они опять обожглись. Русская армия под руководством самого Василия III овладела Смоленском.

Но и на татарской границе продолжались налеты, стычки. Лянцкоронский полагал, что пассивной обороной ограничиваться нельзя. На удары надо отвечать ударами. Только так можно заставить крымцев одуматься и прекратить хищничества. В 1516 г. казачий гетман показал, на что способно его войско. Совершил поход на город Аккерман (Белгород) на Днестре. Казаки разметали татарские отряды, разграбили город и его окрестности. Возвращались с богатейшей добычей, обозами всякого добра, стадами скота, отарами овец, вместе с освобожденными невольниками вели немало пленных татар и турок. Следующим рейдом казаки под предводительством гетмана ворвались в Очаков и разграбили его.

В исторических трудах можно встретить известие, что Сигизмунд за эти подвиги в 1517 г. даровал казакам «вольность и землю выше и ниже порогов по обеих сторон Днепра». Но документального подтверждения таких пожалований нет. Это более поздняя легенда, появившаяся в XVII в. Даровать землю вблизи днепровских порогов и за порогами Сигизмунд не мог, поскольку она не принадлежала королю. В XVI в. здешние места относились к владениям Крымского ханства. Да и вообще в данное время король вряд ли стал бы награждать казаков за достигнутые успехи. Они абсолютно противоречили политике Польши и мешали ей. Война с Россией зашла в тупик, но дипломаты Сигизмунда готовили новый козырь – вели тайные переговоры с ханом Мехмет-Гиреем и возобновили союз с ним. Ханские послы вдруг объявили Василию III, что Крым – наследник Золотой Орды, поэтому имеет право распоряжаться русскими землями. Потребовали платить дань, а Смоленск, Брянск, Стародуб, Новгород-Северский, Путивль отдать Сигизмунду.

В 1521 г. Россию наметили сокрушить совместным ударом. Крымские эмиссары сплели заговор в Казани. Мехмет-Гирей направил туда своего брата Сахиб-Гирея с отрядами воинов. Ставленника Москвы Шаха-Али свергли и изгнали, Сахиб-Гирей сел на казанский престол. А к крымцам Сигизмунд послал корпус литовской шляхты. Евстафий Дашкевич участвовал

в переговорах с Мехмет-Гиреем и соблазнил своих казаков тоже подключиться к набегу, написал, какие богатства ожидают победителей в Москве. Крымская орда с литовцами и казаками Дашкевича и казанская вторглись одновременно с двух сторон, проломили пограничную оборону. Московский государь спешно собрал на Оке войско, поручив командование своему брату Андрею Старицкому и Дмитрию Бельскому. Но они действовали отвратительно, а при атаке татар первыми побежали.

Армия была разбита, крымский и казанский ханы соединились под Коломной и двинулись на Москву. Василий III выехал в Волоколамск, отзывать войска с литовского фронта. А в столице люди стекались в Кремль, молились о спасении, устроили крестный ход с Владимирской иконой Божьей Матери. Враги обложили город, ханы остановились в царском селе Воробьеве, любуясь с высот на лежащую перед ними Москву. Тех, кто сунулся к Кремлю, оставила русская артиллерия. Но обнаружилось, что к осаде город не готов, в нем было мало пороха, продовольствия, и бояре выслали к Мехмет-Гирею делегацию с богатыми дарами. Хан тоже не хотел осаждать сильную крепость. Понимал, что это приведет к большим потерям, а тем временем подойдет великий князь с ратью, и дело может плохо закончиться. Поэтому он удовлетворился дарами, но вдобавок потребовал, чтобы Василий III признал себя данником Крыма. Бояре без ведома государя поспешили выдать такую грамоту, скрепив ее великокняжеской печатью.

Татары с литовцами и отрядами Дашкевича удалились от Москвы, а на обратном пути решили ограбить Рязань. Ворваться в город задумали обманом: объявили, что великий князь признал поражение и заключен мир. Однако воевода Хабар Симский (кстати, тоже казачьего рода, он вел происхождение от князя касогов Редеди) перехитрил врага. Попросил показать ему грамоту, а когда получил ее в свои руки, отогнал неприятелей огнем орудий. В общем, и Рязани не досталось, и ценного документа лишились. На выручку уже спешил Василий III с полками, подошедшими с западных границ, и ханы со своими союзниками предпочли убраться. Но добычи награбили немало и пленных угнали множество. Русскими были переполнены рынки Кафы, Казани, Астрахани. Цена на рабов резко упала, их сбывали сразу десятками и сотнями. А престарелых, больных и прочих «нетоварных» пленников крымцы отдавали своим детям, чтобы потренировались убивать людей.

После этого нашествия Василий III пришел к выводу, что продолжать войну на несколько фронтов нельзя. Вступил в переговоры с Сигизмундом. Но и состояние Литвы было плачевным, она совершенно выдохлась. В 1522 г. заключили перемирие. Смоленск остался за Россией. А Дашкевичу довелось на собственной шкуре испытать, чего стоит «дружба» с Крымом, – вскоре татары захватили в плен его самого. Далеко не сразу ему удалось сбежать. Набеги продолжались – если не всей орды, то отдельных отрядов. Никакой помощи от короля Украина так и не получала. Приходилось обходиться собственными, весьма ограниченными силами.

Да и отношение правительства к казакам оставалось весьма своеобразным. В 1524 г. Сигизмунд и паны подняли вопрос о них на сейме. Причем рассматривались два варианта решения – либо принять их на государственную службу, создать из них постоянное войско для охраны границ, либо... уничтожить казаков. Но уничтожать все-таки было нельзя – кто будет прикрывать от татар? А для того, чтобы принимать на службу и преобразовывать в подконтрольное войско, денег в казне не было и не предвиделось. Вопрос остался открытым.

Зато Россия оказывалась естественной союзницей против степных хищников. Москва и Литва враждовали между собой, но казаки в обеих странах находили общий язык – противник у них был общий, крымцы. Днепровские казаки поддерживали связи с севрюками, российскими подданными. Хорошо знали их атаманов, ходили ловить рыбу на «северских реках», да и действовали нередко вместе. Черкасский и каневский староста Дашкевич тоже понял – против крымцев надо объединять усилия. Установил контакты с русскими воеводами, с ними обменивались информацией, помогали друг другу.

Крымский хан по-прежнему числился в союзе с Сигизмундом и в 1527 г. возмущенно писал ему: «Приходят к нам каневские и черкасские казаки, становятся под улусами нашими на Днепре и вред наносят нашим людям». Жаловался, что они напали на татарские тылы, когда «я шел на Московского князя... Хорошо ли это? Черкасские и каневские властители пускают казаков вместе с казаками неприятеля твоего и моего (Московского государя. – Прим. авт.) под наши улусы, и что только в нашем панстве узнают, дают знать в Москву».

А в 1528 г. Дашкевич и Лянцкоронский объединили силы, вывели своих казаков в степь, взяли и разорили Очаков. В Бахчисарае и Стамбуле начали понимать, что днепровские казаки стали серьезной силой, способны доставить немало проблем. Было решено целенаправленно раздавить казачьи центры. В 1531 г. войско царевича Саадет-Гирея обрушилось на Черкассы. Но Дашкевич с казаками засели в городском замке, стойко отбивали приступы. Татары понесли серьезные потери и вынуждены были уйти ни с чем.

Постепенно разрасталась и система острожков-сечей, прикрывая украинские города и местечки. Под их защитой пустынные и опасные области заселялись. Умножалось и казачество, пополнялось людьми, готовыми отстаивать освоенные земли. В 1533 г. Дашкевич выступил на сейме, представил свой проект обороны границ. Предусматривалось на одном из днепровских островов построить крепость, разместить гарнизон из 2 тыс. казаков и таким образом перекрыть самые удобные переправы через реку, которыми пользуются при вторжениях крымцы. Паны выслушали с интересом, одобрили. Но до практической реализации у правительства руки не дошли. Находились более важные дела, казенные деньги растекались на другие нужды.

Иван Грозный и рождение Сечи

Василий III женился вторым браком на дочери князя Василия Глинского Елене. В 1530 г. у казака Мамай-Алексы родился еще один потомок – княжич Иван, будущий Иван Грозный. Хотя в детские годы трудно было предположить его грядущую славу и свершения. Он в трехлетнем возрасте лишился отца, от имени ребенка стала править мать. Сразу зашевелились заговоры среди родственников и бояр. Желая получить поддержку, изменники сносились с внешними врагами. Сигизмунд счел обстановку подходящей, чтобы еще раз испробовать Россию на прочность. Начал войну. А казаки опять оказались заложниками политики и маневров своих начальников. Дашкевич все еще вынашивал надежды, что правительство его поддержит, пограничное казачье войско будет создано. Он взялся помогать королю. Вместе с отрядами шляхты напал на русские окраины. Днепровские казаки сшибались в рубках с теми же севрюками, с которыми недавно ходили на татар.

А в 1535 г. московскую рать хитро отвлекли. Послали денег крымцам, и они устроили набег на Рязанщину. Русские воеводы ринулись туда, а в это время большая литовская армия под командованием гетмана Тарновского и князя Острожского вместе с отрядами Дашкевича предприняла наступление. Захватила Гомель и осадила Стародуб. Гарнизон и местные казаки упорно оборонялись, но литовцы подвели подкоп и взорвали стену, в городе начался пожар. Ворвавшись в город, остервенелые неприятели истребляли всех подряд, перебили 13 тыс. человек – и воинов, и крестьян, и женщин с детишками. В соседнем городишке Почепе крепость была слабенькой, воевода сжег ее и приказал населению уходить вглубь страны. Но и литовцы опасались подхода основных русских сил, покинули Северщину.

Елена Глинская и ее полководцы ответили наступлением на другом участке, в Белоруссии. Под Себежем армию литовского воеводы Немирова разгромили и загнали на лед озера. Под тяжестью массы людей он проломился, цвет шляхты погиб почти полностью. Сгинуло и немало казаков – ведь Немиров был украинским магнатом, он тоже привлекал их в свое войско. Но Сигизмунд опять вел войну в союзе с Крымом и Казанью, удары на Русь сыпались и с юга, и с востока. Елена после победы предпочла замирииться в Литвой на тех рубежах, которые занимали обе стороны.

А в 1538 г. в Москве произошел переворот. Государыню отравили. Власть захватили бояре Шуйские. Временщики разворовывали казну, развалили армию. Строительство и ремонт крепостей прекратились. Голодные воины, не получая жалованья, расходились по домам. С Крымом и Казанью Шуйские пытались примириться, соглашались на любые уступки. Но ханы только наглели. Крымское, Казанское, Астраханское ханства и две ногайские орды объединились против Руси, набеги стали непрерывными. Современник писал: «Рязанская земля и Северская крымским мечом погублены, Низовская же земля вся, Галич и Устюг и Вятка и Пермь от казанцев запусте». Татары получили поддержку и от Османской империи. Казанский хан, как и крымский, признал себя подданным турецкого султана. Мало того, изменник Семен Бельский сбежал в Стамбул и объявил, что он – наследник рязанских князей, поэтому отдает Рязань под власть султана.

Дошло до того, что Казань требовала от Москвы платить «выход» – такую же дань, как когда-то платили Золотой Орде. А крымский Сахиб-Гирей угрожал царю, что турецкий султан «вселенную покорил», и «дай Боже нам ему твоя земля показати». В 1541 г. был принят большой поход, чтобы сломить Русь, а в Рязани посадить князем Семена Бельского, султанского вассала. С крымцами и ногайцами выступили «турского царя люди с пушками и с пищальми». В боях на Оке врагов удалось остановить и отбросить. Но положение России оставалось критическим. Враждебные ханства охватывали ее полукольцом. Да и другие

соседи отнюдь не были друзьями. Литва, Ливонский орден, Швеция только и выжидали удобного момента, чтобы накинуться.

Но подрастал великий князь Иван Васильевич. В 1543 г. он сверг клику Шуйских. В 1547 г. первым из московских государей венчался на царство. А петлю, стянутую вокруг России, требовалось решительно разрубить. Начали войну казаки. Точнее, они ее не прекращали. Ведь и татары не прекращали своих набегов. И если правительство Шуйских должных мер не предпринимало, то казаки действовали сами по себе. В Москву сыпались на них жалобы из Крыма, от ногайцев. А государственные дипломаты в ответ разводили руками: «На поле ходят казаки многие: казанцы, азовцы, крымцы и иные ходят баловни казаки, а и наших украин казаки, с ними смешавшись, ходят». На самом деле ходили не только «баловни». Те казаки, которые базировались в русских приграничных городах, регулярно совершали вылазки в степь.

В 1546 г. воевода Путивля доносил царю: «Ныне, государь, казаков на поле много: и черкасцев, и кыян (из Киева), и твоих государевых, вышли, государь, на поле изо всех украин». Ханские послы, приезжавшие в Москву, и вельможи, принимавшие царских послов в Бахчисарае, ругали «казаков-севрюков» и «всю русь», осевшую на Дону, требовали «свести их» с этой реки. Ответы были стандартными – за действия таких ватаг Русь не отвечает, они «как вам, так и нам тати», вот и разбирайтесь сами. Но воспринимать подобные отговорки буквально, как это делают некоторые историки, ни в коем случае нельзя. Донесения воевод показывают, что в столице о действиях казаков были хорошо осведомлены, но не давали никаких приказов пресекать их. Ну а дипломатия есть дипломатия. Ведь и крымские ханы заверяли, что на Русь нападают вовсе не они, а «непослушные» царевичи и мурзы. Москва с помощью казаков стала отвечать адекватно, но тоже «неофициально» – знать не знаем и ведать не ведаем.

А Иван Васильевич начал большую войну против Казани, лично возглавил походы. Первые из них были неудачными. Сказывалось и незнание местных условий, и плохая дисциплина, разболтанность армии. Но царь набирался опыта, укреплял войска. Нарастивал артиллерию, создал полки постоянной пехоты – стрельцов, реорганизовал поместную конницу. В этих походах царь познакомился и с казаками. Высоко оценил их и начал широко привлекать на службу. В 1550 г. он обратил внимание на Круглую гору возле впадения в Волгу реки Свияги. Повелел устроить здесь передовую базу для наступления на Казань. Предание об основании Свияжска рассказывает, что царю явился во сне св. Сергей Радонежский и повелел возвести на горе крепость. Иван Васильевич при этом сказал: «Стесним Казань; Бог даст нам ее в руки».

Следующей весной Свияжск был построен. В нем разместили гарнизон царских воинов и отряды казаков. Они тут же начали нападать на неприятельские владения, перехватили все дороги. Местные племена черемисы, мордвы, чувашей стали переходить под власть России. Казанцы очутились в блокаде, их хозяйства разорялись. Они взмолились о мире, согласились признать себя вассалами царя, освободить всех русских невольников – их насчитали более 60 тысяч. Правда, успех оказался непрочным. В Казань примчался царевич Ядигер с подмогой астраханцев и ногайцев. Поступили известия, что крымский хан не оставит казанцев в беде, поддержит их, и настроения резко переменились. Ядигера возвели на трон и не только расторгли мир, а зверски убили находившихся в Казани русских чиновников, военных, захваченных в плен казаков.

В 1552 г. царь организовал новый поход. Сперва отразили удар крымцев и турецких янычар, подступивших к Туле и пытавшихся отвлечь русских от Казани. Но не отвлекли. Отбив натиск с юга, армия повернула на восток. При этом Иван Васильевич разослал грамоту казакам, призывая их в свое войско. Прибыли казаки с Дона, Волги, Яика, Терека. Они объединились под общим командованием атамана Сусара Федорова. Осада Казани была очень трудной. Невзирая на бомбардировку, казанцы отказывались сдаваться. Но после праздника Покрова Пресвятой Богородицы, 4 октября, были взорваны мины, подведенные под валы и стены. Летопись сообщает, как пошли на штурм «многие атаманы и казаки, и стрельцы, и многие дети

боярские, и охотники». В жесточайших уличных рубках Казань пала. Казаки ворвались в город первыми, и Иван Васильевич, по преданию, наградил их – пожаловал в вечное владение Тихий Дон со всеми притоками.

После многократно нарушенных клятв и морей пролитой крови царь решил совсем упразднить Казанское ханство, присоединил его к своим владениям. Но оно было связано с другими ханствами, с Османской империей. В казанских селениях появились агенты Крыма и Турции с мешками денег. Запыхали восстания. А через Астрахань к ним пошла подмога. Становилось ясно: чтобы достичь мира в Поволжье, надо взять под контроль и второе ханство. Астраханский властитель Ямгурчей двурушничал и лгал. Объявлял себя союзником России, а на самом деле укреплял связи с Крымом, сносился со Стамбулом. Когда султан пообещал ему покровительство, Ямгурчей сбросил маску, заточил в тюрьму царского посла.

В общем, одна война потянула за собой другую. Московское правительство повело переговоры с дружественной ветвью ногайцев, и их предводитель князь Исмаил предложил посадить ханом в Астрахани своего родича Дервиша-Али. Иван Васильевич согласился. Главное, чтобы был лояльным к России. Весной 1554 г. на Астрахань отправилось войско на судах во главе с Пронским-Шемякиным. Оно было небольшим, несколько тысяч – на стругах и лодках значительные силы не разместишь. Но рать состояла из отборных воинов, а вдобавок царь опять позвал донских и волжских казаков.

Они собрались на Переволоке, посоветовались и выбрали общим атаманом Федора Павлова. Стали ждать появления государственной флотилии. Но обнаружили, что навстречу ей выдвигается астраханское войско. Выслали гонцов, предупредили передовой отряд князя Вяземского. Договорились с ним, как действовать, и вместе неожиданно налетели на неприятеля возле Черного острова. С нескольких сторон полили астраханцев пулями и стрелами, принялись рубить. У них поднялась паника, побежали кто куда. Казаки и Вяземский погнались за ханом, захватили его гарем, астраханскую артиллерию. Сам Ямгурчей сумел ускакать, направляясь в Азов, а город сдался. Рать Пронского-Шемякина вошла в Астрахань без боя. На престол возвели Дервиша-Али. Он вместе с мурзами принес присягу Ивану Васильевичу, обязался платить дань и пропускать русские суда на Каспий. В Астрахани был оставлен дворянин Тургенев с отрядом казаков.

Они оказались очень кстати. Ямгурчей вскоре вернулся с крымцами и ногайцами, пробовал овладеть городом. Но казаки отразили его и отогнали прочь.

Под контроль России перешла вся Волга. Открылись дороги в Среднюю Азию, на Кавказ. В Москву прибыли посольства кабардинцев, адыгов и гребенских казаков, просили принять их «под государеву руку». Туда был отправлен дьяк Щепотьев. Он объехал кавказские княжества, провел переговоры и принял присягу местных жителей. Стоит отметить, что царские чиновники неплохо знали историю кавказских народов. Под решение о принятии Кабарды в подданство они постарались подвести юридическую базу. Указывалось, что «черкасы» (кабардинцы) в давние времена являлись «холопами» Тмутараканских князей, а когда их земля «отошла к нечестивым», «вселились в горы».

С Османской империей у России сложились весьма своеобразные отношения. Султан Сулейман I Великолепный внешне не выказывал вражды. Он обращался к Ивану Васильевичу с подчеркнутым уважением, в грамотах писал его имя золотыми буквами, называл «царем счастливым», «мудрым». Турецкие и русские купцы, дипломаты, свободно ездили через Азов и Дон. Но в это же время султан развернул необъявленную войну руками крымцев, ногайцев, казанцев. В нее втянули и нового астраханского хана. Посланцы из Стамбула и Бахчисарая повели с ним тайные переговоры, сулили золотые горы, и Дервиш-Али изменил. Весной 1556 г. к нему из Крыма пришла тысяча турецких янычар, из степей прискакала ногайская конница. Находившиеся в Астрахани казаки и ратники, понаехавшие сюда русские купцы и рыбаки,

ничего не подозревали. Заговорщики напали на них вероломно и внезапно, впустили в город турок с ногайцами и устроили резню. Русских перебили всех до единого.

Царь принялся формировать судовую рать, поручил командование стрелецким головам Черемисинову и Писемскому, позвал дружественных ногайцев князя Исмаила. Но опять отличились казаки. На этот раз их возглавил атаман Ляпун Филимонов. Он понял, насколько важно не упустить время, пока астраханцы не получили новых подкреплений и не изготовились к обороне. Донские и волжские казаки, собрав все силы, не стали дожидаться воевод и напали на ханское воинство, стоявшее лагерем возле города. Астраханцы и их союзники считали, что русская рать далеко, вели себя беспечно, и вдруг на них набросились вооруженные люди, начали громить и крушить. Поднялся переполох, кричали, что пришла царская армия. Перепугались, что сейчас им будут мстить за перерезанных русских, и хлынули куда глаза глядят. Когда приплыли струги со стрельцами, они нашли город пустым. Ляпуна Филимонова за проявленную доблесть пожаловали в дети боярские. А нового хана Иван Васильевич решил не ставить. Сколько можно измен? Астрахань вслед за Казанью вошла в состав России.

Но в это же время развернулись боевые действия на широком пространстве, от Волги до Днепра. Когда в Астрахани произошли бунт и резня, крымский хан Девлет-Гирей, конечно же, догадывался – царь непременно пошлет туда войска. Он готовился помешать русским. Вывел в поле всю орду и наметил бросить ее на Тулу или Козельск. Прикидывал, что Иван Васильевич перенацелит все силы для отражения удара, и Астрахань будет спасена. Однако и царь предвидел – крымский хан, конечно же, вмешается! Чтобы сорвать его набег, Грозный решил испробовать новую тактику. Отправляя рать на Волгу, он сформировал второй отряд, стрельцов и служилых казаков под командованием дьяка Ржевского. Ему поручили совершить рейд по Днепру.

Погрузившись на лодки, воины спустились по реке. По дороге к ним пожелали присоединиться 300 днепровских казаков атаманов Млынського и Еськовича. Вместе с ними налетели на крепость Ислам-Кермен, потом на Очаков. Штурмовать их не стали, но погромили посады. Хан уже вел орду на север, об этом доложила казачья разведка. Иван Грозный выехал в Серпухов, собирал полки на Оке. Но они не понадобились. До Девлет-Гирея донеслись известия о нападении на его тылы и вогнали его в шок. Он срочно повернул обратно, защитить Крым. А второе лицо в государстве, калгу, выслал уничтожить неожиданных гостей, дал в его распоряжение многочисленную конницу. Однако сделать это оказалось не так-то просто. Казаки и стрельцы засели на острове, укрепились окопами и шесть дней отбивали атаки. В массе всадников пули и стрелы находили жертвы без промаха, крымцы несли большой урон. А потом Ржевский совершил ночную вылазку, отогнал «стада конские, да на остров к себе перевез». Переправил татарских лошадей на другой берег и «по Заднепровью по Литовской стороне вверх пошел».

Задача была блестяще выполнена. Мало того, лихая операция вызвала восторг у остальных днепровских казаков. Они уже были наслышаны о славных делах своих донских и волжских братьев. Теперь могли самолично поговорить с воинами и убедиться, как ценит их русский царь, как жалует и награждает. Днепровское казачье войско в это время возглавлял князь Дмитрий Вишневецкий. Он был очень знатного рода, из Гедиминовичей, владел обширными имениями под Тернополем. Но по натуре был таким же бесшабашным искателем приключений, как Лянцкоронский или Глинский. Он тоже немало странствовал по свету. Успел послужить и у польского короля, и у молдавского господаря, побывал даже у турецкого султана. С 1551 г. он был назначен старостой Каневским и Черкасским. Дашкевич уже умер, а управлять самым беспокойным районом, где требовалось находить общий язык с казаками, мог далеко не каждый из панов. Да и хотел далеко не каждый. Но Вишневецкий казакам пришелся по душе, в казачьей среде ему дали прозвище «Байда» и избрали гетманом.

Ржевский с отрядом шел через его владения, Вишневецкий радушно принял их, пировал с ними, расспрашивал, как живет и служит у Ивана Грозного. А провожая гостей, отпра-

вил с ними своих посланцев к царю, просил принять его в подданство вместе с его городами. Обещал, что даже без подкреплений, собственными силами, он запрет хана в Крыму, «как в вертепе». Что и говорить, предложение было чисто казачье, со всего плеча. Но Иван Васильевич отнесся к нему более взвешенно, Канев и Черкассы брать в подданство не стал. Ведь это влекло за собой войну с Польшей и Литвой, которой царь надеялся избежать. Однако государь принял Вешневца на службу «со всем козацтвом», а вместо Канева и Черкасс выделил князю город Белев. Таким образом, на службе у Ивана Грозного собралось все казачество: донское, волжское, терское, яицкое – и днепровские казаки тоже перешли к нему!

А сорвиголова Вишневецкий даже не ждал ответа. Собрал своих казаков и снова нагрянул в Ислам-Кермен. Но посадами уже не ограничивался, с налета захватил крепость, разграбил и сжег. Пушки из нее вывез на остров Хортица, в то время пустынный, и в том же 1556 г. здесь была построена первая Запорожская Сечь. Как мы уже говорили, деревянные укрепления-сечи начал ставить еще Дашкевич. Но эта Сечь располагалась за днепровскими порогами. За границей литовской территории, на землях крымского хана. Она становилась базой для новых рейдов в татарские и турецкие владения. И она служила России!

Предания запорожцев рассказывают, что именно Вишневецкий устанавливал законы Сечи. А исследователи полагают, что за образец он взял устав Мальтийского рыцарского ордена. Казаки именовали себя «лыцарями», а войско подразумевалось «лыцарским братством». Главным стержнем братства и смыслом жизни казаков признавалась вооруженная защита христиан от «басурман». Измена, блуд, мужеложство, трусость в бою, воровство у товарищей карались смертью. Внутри Сечи вводилось строгое безбрачие, женщины в нее категорически не допускались. Впрочем, такие законы имели под собой и чисто рациональную основу. Народ в Сечи собирался разношерстный, и наличие женского пола запросто могло разложить «лыцарство».

Что касается других традиций, то многие из них существовали в других казачьих общинах – на Дону, Волге, Тереке, Яике: казачьи круги, выборность атаманов и старшин, железная дисциплина в походах, равенство в быту, взаимовыручка. Мы уже говорили, что такие обычаи вырабатывались исторически. Для тех условий, в которых жили казаки, они оказывались оптимальными, без этого было нельзя. Но и буйные казачьи праздники, песни, пляски тоже были необходимыми, без этого тоже было нельзя – после непомерных трудов, рискованных предприятий, отчаянных боев людям требовалась разрядка. Поэтому в Сечи «мальтийские» нововведения перемешались и срослись с древними казачьими и народными обычаями.

Для Девлет-Гирея появление в его владениях казачьей крепости стало очень неприятным сюрпризом. Он приказал уничтожить дерзких пришельцев, бросил на них массу своей конницы. Крымцы осаждали и штурмовали Хортицу 24 дня. Но положение на острове было очень выгодным. Казаки расстреливали плывущих к ним воинов. Всадники, пытающиеся переправиться с конями, стрелять не могли. А достать защитников стрелами с берега было проблематично – слишком далеко, река широкая. Орда недосчиталась многих лихих наездников и ушла не солоно хлебавши.

А в это же время на Крымское ханство посыпались другие удары. Кабардинцы, адыги и гребенские казаки вдруг атаковали на Кубани, захватили города Темрюк и Тамань. Донские казаки под началом атамана Михаила Черкашина впервые вышли в море. Высадились десантом в самом Крыму и разорили окрестности Керчи. Хан был в ужасе. Решил, что на него напали передовые отряды, а за ними придет войско самого царя. Девлет-Гирей писал султану, что русские действуют так же, как в Казани, сперва напустили казаков, а потом завоевали. Вывал – если Турция не возьмет его под защиту, то Крым погиб.

Сулейман Великолепный также встревожился. Прислал хану янычар и повелел, чтобы молдавский и волошский (румынский) господари выделили войска в распоряжение Девлет-Гирея. Так что первая Сечь просуществовала недолго. В 1557 г. берега Днепра снова почер-

нели от массы татарской конницы, но на этот раз появились и полчища пехоты, артиллерия. После тяжелых боев казакам пришлось покинуть остров, Сечь была разрушена. Но и хан уже не отваживался идти на Русь. А его воинам нужно было «подкормиться». Да и крымские работорговцы уже три года сидели без свежего «товара». Поэтому Девлет-Гирей повел орду на Подолию и Волынь.

Король Сигизмунд II оказался вообще в дурацком положении. Он только что отослал хану ежегодный обоз с золотом, приложил и дружеское письмо, подстрекая ударить на русских. И вдруг татарские лавины хлынули по его стране. Этот неожиданный набег стал особенно опустошительным. Магнаты, как обычно, попрятались по замкам. Крымцы беспрепятственно разграбили и выжгли обширный край. Хан, мурзы, воины и крымские купцы были удовлетворены. Помосты на невольничьих рынках снова переполнились. Не российскими, а украинскими девушками, парнями, детьми. Но в денежном эквиваленте чем они отличались от российских?

Днепровские казаки на царской службе

Иван Грозный реформировал не только армию. Он строил новый, доселе не существовавший тип государства – земскую монархию. Она опиралась не на знать и не на дворянство, а на народ. Сильная власть царя сочеталась с широким самоуправлением на всех уровнях. Права воевод Иван Васильевич урезал, оставил им только функции начальников гарнизонов и судей. А все дела местного управления были переданы земским старостам. Их избирало само население из своей среды. Царь доверял незнатным талантливым людям, например Строгановым, предоставил им осваивать пустынные районы на Северном Урале. Высшим органом на Руси стал Земский собор – съезжались делегаты от разных городов и уездов, разных сословий. А для управления страной Иван Васильевич начал создавать постоянные правительственные органы, приказы. В них работали профессиональные чиновники, дьяки и подьячие – тоже не из знати. Их назначали не по происхождению, а по деловым качествам.

Все это вызывало растущее недовольство боярской касты. По соседству она видела совершенно другой пример государственного устройства, в Польше и Литве, где богатые аристократы диктовали волю королям, пользовались неограниченной властью в своих владениях, проводили жизнь в праздниках и кутежах. Складывалась оппозиция царю. Рождались заговоры. Но Иван Васильевич пока еще был Грозным только для внешних врагов. С подданными старался обращаться милосердно, по-христиански. Когда раскрывались измены, царь прощал виновных, возвращал их на ответственные посты – и они продолжали подспудную деятельность. Крамольными боярами интересовался польский король, поддерживал с ними связи. А оппозиция постаралась и царя взять под собственное влияние. В дружбу к нему втерся Алексей Адашев, протасил ко двору священника Сильвестра. Они стали ближайшими советниками Ивана Васильевича, фактически возглавили правительство. В окружение царя они ввели своих единомышленников – Курбского, Курлятева, Микулинского и др. Составилась «избранная рада», решавшая вопросы о назначениях на важные посты, пытавшаяся направлять государственную политику.

Завоевание Казани, Астрахани, победы над Крымом создали царю чрезвычайный авторитет в народе. Наконец-то страна избавилась от кошмара набегов, терзавших ее чуть ли не каждый год. Но перед Россией стояла еще одна серьезнейшая проблема. Для нее была жизненно важной торговля с западными странами. В то время в России еще не были открыты месторождения меди, селитры, свинца, их закупали за границей. А медь – это артиллерия, селитра нужна для изготовления пороха, свинец – пули. Торговля обеспечивала золото и серебро для казны, своего еще не было. Но самую удобную дорогу на запад, через Балтийское море, закупили Ливонский орден и Швеция.

В период малолетства Ивана Васильевича и безалаберного боярского правления они обнаглели. Перечеркнули договоры о «свободной и беспомешной торговле», заключенные при Иване III, не пропускали через свою территорию наших купцов и стратегические товары. Поручили русские подворья и православные церкви, существовавшие в их городах. Задиристый шведский король в 1556 г. даже полез воевать. Но русские полки быстро ему всыпали, и он заюлил, упросил царя о мире. Однако Ливонский орден упрямылся, выполнять требования Москвы не желал.

Вразумить его оружием казалось нетрудным. Былая сила крестоносцев сошла на нет. Рыцари забыли о воинском искусстве, занимались собственным хозяйством и надувались пивом, их мечи и доспехи ржавели на стенах замков. Но на стороне Ордена могли вмешаться Литва и Польша. Адашев разработал план, как избежать такой опасности – заключить с Сигизмундом II союз. Пускай поляки уступят русским Прибалтику, а за это царь вместе с королев-

ской армией сокрушит Крымское ханство, ведь оно терроризировало набегами обе державы. Идея выглядела плодотворной.

Хан Девлет-Гирей после казачьих нападений пребывал в страхе. В Москву приехало его посольство, просило о заключении мира. Но правительство Адашева сорвало переговоры, не стало даже рассматривать ханское обращение. Гетман Вишневецкий и дьяк Ржевский были отправлены на Днепр. Им дали 5 тыс. детей боярских, стрельцов и казаков, поставили задачу «воевать Крым» и отбивать литовских подданных, которых татары угоняют с Украины. Об этом написали Сигизмунду – что Россия по собственному почину уже взялась помогать ему. К королю поехала русская делегация. Везла предложение о союзе: совместными усилиями наступать на Крым и вообще покончить с ханством.

Татары и впрямь совершенно допекли Литву и Польшу. А после недавнего нашествия на Подолию и Волынь шляхта, купцы и прочие жители восприняли такие известия из Москвы с колоссальным воодушевлением. Царских послов носили на руках, в их честь устраивались пиры и праздники. Что касается короля, то казалось, что он просто счастлив. В Россию поехали ответные делегации. Произносили пылкие речи о «христианском братстве», о родстве народов двух стран. Сигизмунд в своих письмах к Ивану Васильевичу рассыпался в выражениях любви, соглашался на союз, обещал прислать полномочное посольство для его заключения. Но это было не более чем ложью. Впоследствии литовские вельможи проболтались русским послам, что король и его правительство были вовсе не заинтересованы в падении Крыма. Ханство считалось необходимым противовесом России.

Да, татары разоряли Литву. Но они угоняли простых мужиков и баб – а много ли стоят судьбы каких-то крестьян в большой политике? Зато татар можно было использовать против русских. Уступать царю Ливонию Сигизмунд и подавно не собирался. На переговорах паны всего лишь морочили головы. А приезд в Москву полномочного посольства для подписания договора под разными предлогами откладывался. Но в это же время сновали тайные делегации между Польшей и Бахчисараем, король возобновил союз с Девлет-Гиреем. Велись секретные переговоры с Ливонским орденом, Швецией. Подключился папа римский. Фактически Ливонский орден был самостоятельным государством, но юридически он числился в составе Германской империи. С императором Фердинандом поляки нашли общий язык, он подписал тайное соглашение о передаче Ливонии «под защиту» Сигизмунда. Против нашей страны составлялся грандиозный международный заговор.

В Москве об этом не знали. В 1558 г. царские рати двинулись на Ливонию. Прогнозы о том, что война будет легкой, как будто оправдывались. Отряды рыцарей сметали с дороги, взяли 20 городов. Иван Васильевич снова позвал в войско казаков, и они доходили до Риги, сожгли много кораблей, зимовавших в устье Двины. А для того, чтобы крымский хан не вмешался и не напастил, начали действовать Вишневецкий и Ржевский с царскими ратниками, служилыми и днепровскими казаками. На реке Псел они построили лодки, спустились по Днепру до устья и не обнаружили «в поле ни одного татарина». Как выяснилось, вся орда сидела в Крыму. Ожидала нападения и готовилась его отражать. Ржевский остался на Днепре, а Вишневецкий получил приказ царя идти с казаками на Кавказ, в Кабарду. Помочь ей против ногайцев, собрать войско из горцев, гребенских казаков и вместе с донцами тревожить Крым со стороны Азова.

Хотя Девлет-Гирей был хитрым волком. Раньше его орда всегда ходила на Русь летом, когда был подножный корм для коней. Теперь он наметил набег зимой, решил нагрянуть неожиданно. К этому подталкивал и Сигизмунд. Прислал хану щедрую плату, сообщал, что все силы царя находятся в Прибалтике, южные рубежи оголены. Девлет-Гирей вывел в зимнюю степь 100 тыс. всадников, бросил тремя группировками на Рязань, Каширу и Тулу. Но от казаков полетели тревожные сигналы в Москву, и выяснилось, что не все русские полки ушли на запад. Навстречу татарам выступила рать Михаила Воротынского. Хан узнал об этом от плен-

ных, а из тыла к нему примчались гонцы, в ужасе рассказывали – донские казаки напали на улусы, оставшиеся без воинов, угнали 15 тыс. лошадей. Девлет-Гирей без боя повернул назад. Но еще и ударили морозы, повалили снега. Крымцы рассчитывали взять конский корм в русских селениях, а без него лошади стали падать, всадники замерзли. Воротынский докладывал, что шел за татарами до Оскола «по трупам».

У русских дела выглядели блестяще. Опасаться ударов из Крыма после такой катастрофы не приходилось. А в Ливонии царили полный разброд и паника, многие орденовые чины и города склонялись к капитуляции. Но тут-то вмешались другие державы. В Москве появились посольства императора Фердинанда, шведов, датчан, предлагая переговоры. И вместо того, чтобы решительным натиском добить Орден, Адашев с какой-то стати согласился на посредничество датчан. Они брались уговорить ливонцев принять русские условия, и для этого было заключено перемирие на полгода.

Однако царю его советники сумели внушить – перемирие в Прибалтике в данный момент выгодно самой России. Именно сейчас, пока Девлет-Гирей не оправился от бедственного похода, настал подходящий момент нанести смертельный удар по Крыму. Полки из Прибалтики перебрасывались на юг. Под руководством Алексея Адашева и Сильвестра составлялись и зачитывались воззвания о крещении в Крыму святого князя Владимира, о восстановлении креста над древним Херсонесом. Одним из тех, кого увлекла эта пропаганда, был Вишневецкий. Адашев наобещал ему, что он после победы станет князем крымским или, по крайней мере, днепровским.

В феврале 1559 г. Вишневецкого отправили на Северский Донец, он должен был готовить флотилию и атаковать «от Азова под Керчь». Игнатий Вешняков получил приказ ехать на Дон, соединиться с Вишневецким и строить там крепость, базу для походов на Крым. А на Днепр послали брата царского приближенного, Данилу Адашева, поручили строить лодки и «промышляти на крымские улусы». 11 марта Боярская дума приняла приговор собирать войско против хана. Возглавить его должен был сам царь, и Михаила Воротынского отправили на рекогносцировку в Дикое Поле «место рассматривать, где государю царю и великому князю и полкам стояти»...

Начало кампании было многообещающим. Данила Адашев с корпусом из 5 тыс. детей боярских, стрельцов и казаков на лодках появился на Днепре. Здесь к нему присоединились 3 тыс. украинских казаков. Спустились по реке, вышли в море и захватили два турецких корабля. Потом высадились на западном побережье Крыма и наделали колоссальный переполох. Перепуганные татары ринулись бежать вглубь полуострова. Хан силился собрать войско, но в полной неразберихе утратил управление своими подданными. Не мог найти удравших мурз, мурзы не могли отыскать рассыпавшихся воинов. Царские ратники и казаки две недели опустошали города и селения, набрали огромную добычу, освободили тысячи невольников и беспрепятственно отплыли назад.

В устье Днепра остановились. Среди пленных оказалось какое-то количество турок, Адашев отослал их к паше Очакова и принес извинения – объяснил, что царь воюет только с Крымом, а с Османской империей сохраняет мир. Паша и сам приехал к воеводе с подарками, заверил в «дружбе». Хотя своим визитом он, скорее всего, специально задерживал русских. Девлет-Гирей кое-как успел оправиться и с тучей конницы помчался к Днепру, чтобы перехватить флотилию возле порогов. Не тут-то было! Казаки и стрельцы заняли оборону на островах, отразили татар огнем, и хан, потеряв немало всадников, ушел прочь.

Еще одну победу одержали донские казаки атамана Черкашина, разбили крымцев на Донце, прислав в Москву «языков». Несколько легких отрядов татар перехватил и уничтожил Вишневецкий. А Вешняков построил на Верхнем Дону крепость Данков. Эти успехи праздновались по всей стране. Летопись радостно извещает, что «русская сабля в нечестивых жилищах тех по се время кровава не бывала... а ныне морем его царское величество в малых челнех

якоже в кораблех ходяще... на великую орду внезапно нападаше и повоевав и, мстя кровь христианскую поганым, здорово отъидоша». Да и впрямь было чему порадоваться. То крымцы к нам «в гости» ходили, а теперь и мы к ним пожаловали!

Хотя удары с Днепра и Дона должны были только подготовить почву для главного наступления. Полки уже стояли на Оке, подвозили обозы, к армии прибыл государь. Оставалось дать команду – вперед! Приближенные убеждали Ивана Васильевича, что победа будет совсем не трудной. Если Крым запросто громят казачьи отряды, сможет ли он противостоять всей русской армии? Но здесь стоит задаться вопросом, имел ли шансы Иван Грозный после Казани и Астрахани завоевать еще и третье ханство? Нет, не имел. Казаки нападали налегке, на лодках. А большому войску, чтобы добраться до Крыма, требовалось преодолеть сотни километров степей – под палящим солнцем, при нехватке воды, продовольствия. Можно вспомнить, какими последствиями обернулись Крымские походы Голицына в конце XVII в. Ворваться в Крым так и не смогли, но потеряли десятки тысяч людей, умерших от перегрева, жажды, болезней. А во времена Голицына граница лежала гораздо южнее, идти предстояло ближе...

Получалось, что советники подталкивали царя в пропасть. Но Иван Васильевич был уже опытным военным. Прежде чем принять окончательное решение, он еще раз проверил возможные трудности и препятствия. Вызвал «для совета» казачьих атаманов и воевод, уже повоевавших в степях. А после обсуждения с ними пришел к выводу – вести армию через Дикое Поле нельзя. Как ни уламывали его Курбский и иже с ним, приказа о походе он не отдал. В войне с Крымом Иван Грозный выбрал другую тактику – ту, которая уже показала свою эффективность. Днепровским и донским казакам он послал повеление по-прежнему тревожить Крым. А казачьи налеты использовал для давления на хана. Отписал Девлет-Гирею: «Видишь, что война с Россией уже не есть чистая прибыль. Мы узнали путь в твою землю...»

Но в это же время поползли по швам столь выигрышные дипломатические комбинации, которые строил Адашев. Весной 1559 г. в Москву пожаловало посольство Литвы. Его ждали уже давно, с нетерпением. Сигизмунд II много раз обещался прислать его – заключать союз против Крыма. Но вместо союза послы с ходу потребовали... вернуть Смоленск! А король в своем послании указал, что он «запрещает» русским «воевать Ливонию», отданную императором под его покровительство. Зато передышкой в Прибалтике Литва, шведы, датчане воспользовались в полной мере. Орден стал получать от них и материальную, и военную помощь, мысли о капитуляции отбросил. А в августе 1559 г. в Вильно был подписан договор о переходе Ливонии в «клиентелу и протекцию» Сигизмунда. Причем в одном из пунктов Литва и Орден обязались честно разделить между собой будущие завоевания в России! Они намеревались уже не обороняться, а наступать! Прибалтийские рыцари настолько окрылились, что даже не дождались окончания перемирия. На месяц раньше вероломно атаковали русские гарнизоны, захватили их врасплох.

А те же самые советники, которые завели политику страны в ловушку, предлагали теперь царю выход – оставить Ливонию. Этой ценой примириться с Литвой, заключить с ней союз и бросить все силы на Крым. Сильвестр наседали на Ивана Васильевича, внушая ему, что ничего другого не остается. Доказывал, что ливонцы и литовцы все-таки «христиане». Стало быть, православному царю надо сражаться не против них, а заодно с ними. Получалось, что Россия разгромила Орден только для того, чтобы подарить его Литве! А после этого требовалось любезно раскланяться с Сигизмундом, подружиться с ним и ради «христианского» единства схватиться с татарами и турками.

Царю подобный поворот совершенно не понравился, он не соглашался. Но в октябре он уехал на богомолье и вдруг узнал, что Адашев в его отсутствие самовольно ведет переговоры с литовцами, выражает готовность уступить их требованиям. А последнюю точку в выборе дальнейшей политики, да и в существовании «избранной рады», поставили украинские казаки. На перевозе через Днепр они перехватили литовских гонцов, везших в Крым грамоту от Сигиз-

мунда. Ее доставили Грозному. Король писал, что направляет к Девлет-Гирею «большого посла с добрым делом о дружбе и братстве» и обещает платить ежегодные «поминки», чтобы хан «с недруга нашего с Московского князя саблю свою завсе не сносил». И с таким «союзником» предлагалось мириться любой ценой! Отдать ему на блюдечке Прибалтику только ради того, чтобы вместе с ним воевать против «врагов Христа»!

После эдаких открытий царь решительно избавился от своих давних советников. Правда, об измене он еще не подозревал. Адашева и Курбского назначил в армию, Сильвестр оскорбился и ушел в монастырь. А войска Иван Васильевич нацелил снова на Ливонию и нанес ей окончательное поражение. Но в Эстонии высадились шведы, датчане. В 1561 г. открыла боевые действия Литва. При таком раскладе воодушевился и Девлет-Гирей, о мире он теперь даже слышать не хотел. Его союз с Сигизмундом из тайного стал официальным.

Война приобрела тяжелый и затяжной характер. А большинство днепровских казаков по-прежнему служило царю. Оставалось в родных местах, защищало их от татар, но и для России казачьи рейды с Днепра и Дона были лучшим средством нейтрализовать хана. Вишневецкий по приказу Ивана Васильевича еще раз ходил в Кабарду, сорганизовал горцев и казаков «промышляти над крымским царем». Но постепенно он разочаровался в русской службе. Южное направление стало не главным, а второстепенным. Здесь уже нельзя было выдвинуться, рассчитывать на громкую славу и дальнейший взлет карьеры. Перспективы стать князем крымским или днепровским, которыми вскружил ему голову Адашев, развеялись как дым. Осталась скромная роль командира небольших отрядов, выполняющих трудные, но не слишком заметные, вспомогательные задачи.

В течение нескольких лет Вишневецкий выжидал, надеялся, но убедился – положение не изменится. Война с Литвой надолго, и наступления на Крым не будет. В 1563 г. он обратился к Сигизмунду, просил принять его обратно. Король обрадовался: гетман подаст пример всей Украине, приведет казаков под его знамена. Обласкал князя, возвратил ему староство Каневское и Черкасское. Однако многие казаки не поддержали такого решения гетмана. Атаманы Савва Балыкчей Черников, Ивашка Пирог Подольнин, Ивашка Бровка и другие объявили, что отказываются ему повиноваться. Хотя и самого Вишневецкого отнюдь не удовлетворило новое положение. Фактически он вернулся к тому же, с чего начинал. Попал на второстепенную должность одного из пограничных начальников. От царя откололся, а от короля ни помощи, ни денег ждать не приходилось. Но тут князю подвернулась очередная авантюра.

В соседней Молдавии уже несколько лет кипели смуты, боярские кланы грызлись и резались между собой. Заговор против господаря Александра Лэпушняну возглавил некий Иоанн Гераклид. Он был греком, солдатом-наемником, служил в разных странах, перешел в протестантскую веру. А в Молдавии придумал себе знатное происхождение, получил помощь от германского императора, на его деньги нанял разношерстное воинство, в том числе отряд казаков. В бою с дружинами господаря одержал победу, Александр сбежал к туркам. Гераклид сел на престол. Но он принялся откровенно грабить страну, ввел огромные подати, обирал даже церкви, напустил в Молдавию протестантов. В 1563 г. народ восстал. Однако и бояре подсуетились. Под предводительством молдавского командующего, гетмана Томши, внезапно напали и перебили наемников Гераклида. Его захватили в плен, и Томша собственноручно забил его до смерти дубинкой. Стал господарем под именем Стефана VII.

Но простонародье не желало подчиняться новому узурпатору, видело в нем очередного боярского ставленника. Хотя враги у Томши были и среди бояр. Одна из группировок вынашивала планы избавиться от владычества султана и перекинуться под власть польского короля. Она сочла, что подходящим господарем может стать Вишневецкий, обратилась к нему. Князь загорелся – почему бы ему не сесть на престол Молдавии? Собрал отряд казаков и ринулся туда. Но он жестоко просчитался. Молдаване восприняли его как очередного самозванца – а самозванцы их уже допекли. Люди объявляли «лучше слушаться одного султана и любого

господаря, которого он пришлет, чем терпеть такие мучения и убытки на пользу боярам». К Вишневецкому никто не присоединялся, он очутился в чужой стране среди чужого народа. Томша-Стефан окружил его своими войсками. В надежде выпутаться князь согласился вступить в переговоры. Ему гарантировали безопасность, но обманули. Схватили и выдали туркам. Вишневецкого привезли в Стамбул и предали мучительной казни. Повесили на крюке под ребро. Он был жив еще три дня. В нечеловеческих страданиях ругал своих палачей, хулил их веру, и турки добились его.

А днепровские казаки после отъезда и гибели Дмитрия Вишневецкого раскололись. Старостой Черкасским и Каневским король назначил племянника гетмана, Михаила Вишневецкого. Он увлек часть казаков воевать против русских. Вместе с аккерманскими татарами совершил набег на черниговские и стародубские волости, разорял деревни, осадил городок Радогощ и сжег посад. Но на него выступил северский воевода Иван Щербатый с ратниками, местным ополчением и казаками. Перехватил и наголову разгромил отряд Вишневецкого.

Но другая часть казаков, те самые атаманы, которые вышли из подчинения гетману и не пожелали возвращаться под власть короля, отделилась. Они вспоминали Сечь на Хортице и ушли за пределы литовской территории вниз по Днепру, обосновались за порогами. Они и стали «запорожцами» – или Низовым войском. Доложили в Москву, что они будут и дальше служить царю. Иван Грозный отнесся к ним с полным доверием. Выслал жалованье, боеприпасы, и они возобновили операции против татар. Удивляться такому выбору не приходится. От России украинские жители никакого зла не видели. Зато от крымских союзников короля им доставалось очень крепко. Например, в 1567 г. Сигизмунд готовился к наступлению, собирал большую армию, истратил на нее все средства и не смог вовремя послать дань в Крым. А Девлет-Гирей за такую провинность вполне «официально» испросил разрешения у султана и устроил набег на королевские владения. Что ж, задержка дани оказалась очень хорошим предлогом – хватать полон по украинским селам было куда проще и безопаснее, чем лезть на русские крепости и полки.

У запорожцев появился и новый предводитель. Им стал князь Богдан Ружинский. Он тоже был из очень знатного рода, из Рюриковичей – потомком русских удельных князей. Ему принадлежали богатые села на Волыни, отец имел в литовских войсках чин полковника. Но при татарском набеге (вероятно, в 1557 г.) была убита его мать, в крымском плену сгинула молодая жена, и князь ушел к казакам, посвятил свою жизнь борьбе с хищными соседями. Польский историк Папроцкий писал о нем: «Муж сердца великого. Презрел он богатства и возлюбил славу защиты границ. Оставив временные земные блага, претерпевая голод и нужду, стоит он как мужественный лев, и жаждет лишь кровавой беседы с неверными». Казаки избрали его гетманом – в их среде он получил прозвища «Богданко» и «Черный гетман».

А на татарские вторжения запорожцы отвечали адекватно. Причем в походах к ним охотно присоединялись и те казаки, которые оставались в украинских городах. Из Стамбула и Бахчисарая к Сигизмунду катились жалобы, что они «из года в год, зимой и летом» совершают нападения, угоняют скот, берут пленных. Писали, что в Черкассах, Каневе, Киеве, Брацлаве, Переяславле находится больше тысячи татарских женщин и детей, а дороги через степь стали настолько опасными, что гонцы с ханскими письмами не могут проехать в Польшу – приходится везти их окружным путем, через Турцию. Король реагировал. Посылал казакам гневные требования не трогать татар, угрожал страшными карами. Зато от Ивана Грозного они получали деньги, оружие, боеприпасы. Вот и посудите, кого из монархов казакам было логично считать «своим», кому из них служить?

Схватка с Османской империей

Невзирая на то что России пришлось сражаться с целой коалицией врагов, она справлялась. Царская дипломатия мастерски сумела перессорить между собой Литву, Швецию и Данию. С датчанами удалось заключить мир, со шведами – перемирие. А по Литве Иван Васильевич нанес суровый удар. В 1563 г. сам возглавил поход и овладел одним из крупнейших городов, Полоцком. Однако у Сигизмунда II имелся и тайный козырь – «пятая колонна» внутри России. Как выяснилось позже, князь Курбский пересылал противнику секретные сведения. Благодаря его информации литовский гетман Радзивилл сумел поймать в засаду и разгромить армию Петра Шуйского, выступившую на Минск. А когда расследование стало подбираться к Курбскому, он перебежал к королю. Выдал всю русскую агентуру в Литве, рассказал о состоянии крепостей, расположении войск.

Такие сведения позволили развернуть контрнаступление, и Курбский возглавил один из отрядов, свирепо опустошивший окрестности Великих Лук. А его сообщники остались в русской армии, под разными предлогами саботировали приказы царя. На него совершались покушения, умерла его отравленная жена Анастасия. Оппозиция всюду орудовала в Боярской думе, оправдывала разоблаченных заговорщиков, смягчала им наказания. Но Иван Васильевич нашел средство и против этой напасти. Обратился напрямую к народу – к воинам, к москвичам, и его поддержали. В 1565 г. был введен чрезвычайный режим, опричнина. Царь стал Грозным не только для внешних врагов, но и для крамольников, отправляя их на плаху.

Хотя нарастали и трудности. Война затягивалась, росли потери. Из Скандинавии пришла чума, унесла множество жертв в народе и в армии – скученность людей способствовала распространению заразы. А у противников России был еще один увесистый камень за пазухой. Польская дипломатия с помощью папы римского и других западных держав подталкивали на нашу страну Османскую империю. Она была на вершине своего могущества. Кроме нынешней Турции, охватывала Балканский полуостров, Венгрию, Молдавию, Валахию, Северное Причерноморье, Грузию, Ближний Восток, Аравию, Северную Африку. Правда, огромная держава уже разлагалась изнутри. Стамбул утопал в роскоши, чиновники и вельможи становились продажными. Их покупали взятками богатые купцы и ростовщики, получали на откуп сбор податей, государственные подряды. Значительную часть рынков в Турции и Леванте стали контролировать флорентийские банкиры. Тут как тут оказывались иностранные дипломаты и шпионы.

Важную роль в политических интригах играл и гарем. Особенную известность в данном отношении приобрела уроженка Украины, жена Сулеймана Великолепного Роксолана. С легкой руки украинских писателей Михаила Орловского, Гната Якововича, Осипа Назарука, Павла Загребельного, по книгам, телевизионным экранам и театральным подмосткам пошла гулять романтическая история о том, как татары похитили девушку в день свадьбы, как она попала в султанский дворец и сумела красотой, умом и добрым сердцем завоевать сердце правителя. Как пользовалась своим влиянием, отводя удары от любимой родины. Но все это – не более чем сказка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.